

Маэль П.

**ЮНГА НА КОРАБЛЕ
КОРСАРА
В СТРАНЕ ЧУДЕС**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Пьер Маэль

**Юнга на корабле
корсара. В стране чудес**

«Алгоритм»

1894

УДК 821.133.1
ББК 84(4 Фр)

Маэль П.

Юнга на корабле корсара. В стране чудес / П. Маэль —
«Алгоритм», 1894 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03730-6

Пьер Маэль – коллективный псевдоним двух французских писателей: Шарля Косса (1862–1905) и Шарля Венсана (1851–1920), создавших более семидесяти произведений, полных морской романтики и захватывающих приключений. В данный том вошли два романа, разноплановых по тематике, но крайне увлекательных по содержанию. Роман «Юнга на корабле корсара» повествует об одном из эпизодов деятельности французского пирата и капера Робера Сюркуфа, получившего за свои подвиги прозвище Гроза Морей. На этот раз он отбил атаку английских военных судов, преследующих корабль с бретонскими эмигрантами, но англичане не желают оставлять это безнаказанным... Роман «В стране чудес» рассказывает об экспедиции трех друзей, стремящихся покорить высочайшую вершину Гималаев. Но эта казалось бы безобидная попытка встречает жесткое противодействие со стороны таинственной секты огнепоклонников, надежно стерегущих свои владения, которые выносят смельчакам смертельный приговор.

УДК 821.133.1

ББК 84(4 Фр)

ISBN 978-5-486-03730-6

© Маэль П., 1894

© Алгоритм, 1894

Содержание

Юнга на корабле корсара	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	32
Глава VI	38
Глава VII	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пьер Маэль
Юнга на корабле корсара. В стране чудес

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Юнга на корабле корсара

Глава I Пленные

4 вандемьера VII года, то есть 25 сентября 1799 года, трехмачтовое судно «Бретань» выходило на всех парусах из Брестской гавани в море.

Это было коммерческое судно, перевозившее эмигрантов в Америку. В Бретани, как и во всей Франции, умирали с голоду, и эта эмиграция не была похожа на ту, которая по закону наказывалась смертной казнью.

Правительство давало свое разрешение всем гражданам, которые имели свидетельство, подтверждающее отправление в Америку на поиски пропитания или для занятия торговыми делами.

Переезд был очень труден. За побережьем следили английские корсары, которые наносили вред торговым судам во время гражданской войны.

«Бретань», однако, надеялась ускользнуть от пиратов. Она делала от восьми до десяти узлов в день и нисколько не боялась предпринять такое длинное путешествие несмотря на самое неблагоприятное время года – сезон кораблекрушений. На судне было восемнадцать человек экипажа и сто двадцать пассажиров, в числе которых ехал молодой доктор Тернан с женой и двумя детьми, Анной и Вильгельмом. Анне было семь лет, а Вильгельму – около пяти.

Тернан направлялся в Южную Америку, в испанские колонии Ла-Платы, где его старший брат скопил своими трудами небольшое состояние, оставив его в наследство младшему брату. С помощью этих денег доктор надеялся создать себе положение, лучшее чем на родине. Поговаривали, что европейцам там легче найти работу и вообще можно устроиться с известным комфортом.

Первые дни путешествия прошли довольно благополучно. Небо было ясно, а море спокойно. Таким образом доехали они до Испании, минуя берега Португалии, где хозяйничали англичане. У Канарских островов наши мореплаватели считали себя в полной безопасности и хотели уже повернуть на восток, как вдруг на горизонте появились паруса английского корвета.

Пришлось отступить и бежать на юг.

Пассажиры корабля, люди разных сословий, с тоской в сердце покидали родину в надежде найти средства к существованию в чуждой им стране.

Во Франции только что закончилась революция. Директория тоже приближалась к своему концу. В стране, окровавленной террором и гражданской войной, царил голод. Но славные знамена Франции одерживали победы: Вальми, Жемапп, Флерус, Гондшут, Монтенотте, Лоди, Кастильоне, Арколь, Риволи, победа над Фландрией, Нидерландами и Савойей, Северной Италией. Хотя были и неудачи: соединенные силы Австрии и России, под предводительством Суворова побили французов в Кассано, в Треви, в Нови. Журдану пришлось отступить перед эрцгерцогом Карлом после поражения при Бамберге, а республиканский флот, уничтоженный Нельсоном в Абукире, оставил французскую армию в Египте на милость англичан.

Правда, молодой герой, победитель Арколя и Риволи, пирамид и горы Фавор, уже вступил во Францию. Не прошло и двух месяцев, как Бонапарт произвел государственный переворот, низверг правительство и ввел страну в новую эру славы.

В борьбе со всеми внешними врагами Франция выказывала чудеса мужества и энергии. Лишенная судов и опытных моряков, она сумела выстоять в боях с Англией. Неудачные битвы на море только увеличивали ее силы.

Среди великих корсаров в китайских морях завоевал себе славное имя один бретонец. В двадцать пять лет Робер Сюркуф из Сен-Мало нанес немалый вред английской промышленности, без страха меряясь силами с корветами и фрегатами врага. Год спустя он снарядил за свой счет корвет «Кларисса», вооруженный четырнадцатью пушками, которыми он громил англичан в Индийском океане.

Он безостановочно преследовал английские суда, против него собирались эскадры острова Маврикия, Мадраса и Бомбея. Однако каждый неприятельский капитан, как бы он ни был храбр, боялся страшного Малуина¹ и отправлялся в путь с тайным желанием его не найти.

Итак «Бретань» направилась к югу, делая значительное отступление от своего маршрута, но с намерением наверстать потерянное, когда море будет свободно.

Увы! За нею зорко следили. Уже пятнадцатого ноября английский флаг показался на северо-восточном горизонте.

Снова пришлось направиться к югу.

Но там ждала новая угроза. Английские флаги показались с юго-востока.

Три неприятельских корабля гнались за бедным трехмачтовым судном так, что ему оставался один путь – на восток, мимо страшного, бурного мыса, который со времени Васко да Гамы стал называться мысом Доброй Надежды. Это значило броситься в пасть леопарда.

Сейчас мыс являлся английской гаванью, и там постоянно находились корабли на якоре.

Выбора не было. Французы знали, какая жестокая участь ожидает их, пленников, в Великобритании. Кроме того, несчастные эмигранты так волновались, что капитан Керуон начал терять свое привычное хладнокровие.

Таким образом, пустились на восток, как прежде бежали на юг. В случае необходимости была возможность укрыться под защитой пушек Сен-Дени на острове Реюньон. Прошло уже два месяца, как «Бретань» вышла из Бреста. Плавание благоприятствовал ветер, и можно было надеяться достигнуть острова до окончания третьего месяца.

Неприятельские паруса виднелись то ближе, то дальше, в зависимости от хода французского судна.

Десятого декабря пассажиров корабля охватил ужас: судно только что пересекло пояс опасного мыса, но неприятель продолжал погоню.

Все встревожились.

Капитан собрал экипаж. Его люди не хотели уступать. Он посоветовался с пассажирами. Треть из них решили оказать сопротивление, а остальные, жалея своих жен и детей, сдать. Может быть, англичане довольствуются тем, что возьмут с них небольшую контрибуцию и свободно пропустят в Америку?

Какое может быть сопротивление? На судне было только два орудия и если собрать все имеющееся огнестрельное оружие, то им можно было вооружить только тридцать человек.

Выходило, что численность противника значительно превосходила численность боеспособного экипажа «Бретани». Капитан отдал приказ поднять белые флаги.

Английские корабли, направлявшиеся с востока, вскоре приблизились на расстояние пушечного выстрела. Первое из этих судов, корвет с экипажем из девятисот человек и восьмью орудиями, подошел очень близко к «Бретани», требуя от французов вывесить английский флаг.

В то самое время, когда старый брестский моряк, с болью в сердце и со слезами на глазах, готов был исполнить унижительное предписание неприятеля, вдруг, к великому удивлению беглецов, все переменялось.

¹ Житель города Сен-Мало (родина Сюркуфа).

Английский корвет распустил паруса и отправился в другом направлении.

Следующее судно последовало примеру корвета.

– Тысяча громов! – воскликнул бретонец. – Что это значит? Неужели англичане собираются бежать?

Странная загадка вскоре была разрешена.

На юго-западе показался парусник. Флаг оказался трехцветным, и англичанам пришлось бежать.

Пассажиры «Бретани» были вне себя от радости, они не верили своим глазам и никак не могли понять, как в этих широтах появилось французское судно.

Все бросились на палубу и смотрели на приближающееся судно, которое было их спасением. Судно приближалось со скоростью от десяти до двенадцати узлов, что значительно превосходило скорость вражеских кораблей. Позади этого судна вскоре заметили еще один большой корабль. На нем было восемь орудий. Он двигался с быстротой хищной птицы.

Это судно выглядело изящно, но угрожающе. Его раскрытые квадратные паруса походили на крылья. Корпус был узким и длинным. Оно гналось за двумя английскими кораблями и уже нагоняло их.

Проходя мимо трехмачтовой «Бретани», с судна раздались приветственные залпы, и беглецы слышали шумные пожелания доброго пути.

Капитан Керуон, вооруженный подзорной трубой, прочитал название.

Он закричал «ура!», и вскоре с «Бретани» раздались радостные крики:

– Да здравствует «Кларисса»! Да здравствует Робер Сюркуф!

Да, это был он, непобедимый корсар, славный Малуин, достойный потомок Дюге-Труэна², который спас своих соотечественников и готовился поразить вечных врагов Франции.

Доктор Шарль Тернан, охваченный патриотическим восторгом, позвал жену и детей.

Взяв на руки своего сына, он поднял его и, указывая на два французских корабля, торжественно шедших по тихим водам, сказал:

– Вильгельм, видишь ли ты эти два судна, которые проходят мимо нас? Запомни их. Это слава твоего отечества. Не забывай! Да здравствует Франция!

– Да здравствует Франция! – повторил чистый голос мальчика.

Вильгельм Тернан на всю свою жизнь запомнил этот день.

«Кларисса» нагнала англичан, прошла мимо, чтобы загородить им путь, и затем напала на них.

Вдруг раздался оглушительный залп, над корсарами поднялся густой дым и некоторое время ничего не было видно. Английский корвет ответил тем же.

И долго, очень долго продолжалась сильная канонада. «Кларисса» храбро отражала огонь неприятелей. Скоро появился бриг, он атаковал корвет, а «Кларисса» – второе судно. Снова началась пальба.

«Кларисса» была военным судном, которое не тратило зря своих зарядов. Одно из ядер попало в мачту противника, а другой заряд угодил в фок-мачту. Английское судно вынуждено было отступить.

Настала очередь корвета.

Он защищался дольше других. Наверняка им командовал храбрый офицер. Его забрасывали боевыми снарядами с пушек «Клариссы» и орудий брига. Спустя полчаса после начала сражения английское судно, подбитое и полуразрушенное, погрузилось в воду ниже ватерлинии.

После этого по кровавым останкам, гордо прошел корвет со своим флагом и сломанной мачтой, торжествуя победу, так дорого ему доставшуюся.

² Дюге-Труэн Рене (1673–1736) – знаменитый пират из Сен-Мало, ставший генерал-лейтенантом королевского флота.

Из всех офицеров и матросов английского судна только пять держались на ногах, но и те были ранены; шестеро других едва дышали. Все остальные были мертвы.

Ночь накрыла эту ужасную сцену.

«Кларисса» возвращалась обратно. Корабль был поврежден, необходимо было вернуться во французские воды. «Кларисса» взяла под свое покровительство «Бретань». Трехмачтовому судну требовалось пополнить свои съестные припасы.

Признательный за оказанную ему помощь, капитан Керуон предложил взять к себе на борт всех тяжелораненых с «Клариссы».

Маленький Вильгельм Тернан первый раз увидел Робера Сюркуфа.

Знаменитый корсар был еще совсем молодой человек, двадцати шести лет, выше среднего роста, очень живой, с изящной внешностью. Выражение его глаз, суровое во время боя, отличалось теперь почти женской кротостью и покоем. Он заслужил особую репутацию у своих смертельных врагов – англичан, черты лица Сюркуфа, их почти классическая правильность считались у них уродством.

Он был ранен во время битвы осколком дерева, кусочек которого проник в его правую руку и причинял сильную боль. Узнав, что на борту «Бретани» есть врач, Сюркуф пришел просить доктора Тернана оказать ему помощь, что тот и исполнил с большим удовольствием.

Брестский хирург со свойственным ему искусством вынул осколок, потом выпустил кровь из раны, промыл ее морской водой и наложил повязку, так что через неделю Сюркуф уже мог владеть рукой.

Корсар горячо благодарил врача, поцеловал обоих детей молодого доктора и, протягивая ему левую руку вместо правой, сказал:

– Мы будем друзьями на всю жизнь, доктор Тернан! Мы вдвойне соотечественники, потому что я из Сен-Мало, и вы мой земляк. Если когда-нибудь вы, ваша жена или ваши дети будете иметь во мне надобность, то помните, что я ваш верный друг.

Подняв своей могучей рукой маленького Вильгельма и посадив его к себе на колени, Сюркуф воскликнул:

– Доктор, если вы не имеете никаких намерений относительно этого мальчика, то отдайте его мне. Я сделаю из него знатного моряка!

– О да! О да! – воскликнул мальчик, бросившись на шею корсару. – Я хочу быть таким же моряком, как ты!

Через неделю «Бретань» подошла к французскому острову. Погода стояла великолепная и англичане больше не рисковали беспокоить судно. Они знали, что Сюркуф следит за ними.

Увы! Это была только маленькая передышка. Для того чтобы держать путь к Америке, французам нужно было вернуться, пройти мимо мыса и подвергнуться всем опасностям, как со стороны моря, так и со стороны людей. Удастся ли избежать опасности?

Нет.

После десятидневной остановки, необходимой для закупки съестных припасов и для исправления некоторых повреждений, трехмачтовое судно вышло в море. Тогда же от берегов мыса вышло семь английских судов, которые хотели отомстить французским морякам, так жестоко унижившим английский флаг. «Бретань» со всем своим экипажем вынуждена была сдаться.

Англичане разделили пленников. Четвертую часть пассажиров поселили на мысе Доброй Надежды, а другие три четверти посадили на судно, которое отправилось в Индию.

Капитана Керуона и его экипаж оставили здесь, а «Бретань» переименовали в «Граф Эссекс» и перевезли в Буэнос-Айрес вместе с частью несчастных эмигрантов.

Среди остальных пленников, которых отправили в Индию, находился доктор Тернан и его семья.

С варварской жестокостью несчастный доктор был разлучен с женою и детьми. Подозрительный ум тюремщиков решил отделить мужчин от женщин. Первых поселили на острове Сальсет близ Бомбея, а вторых расселили по разным пунктам Малабарского побережья.

Это был ужасный плен. Собранные на зловонном островке в полуразвалившихся хижинах, несчастные ночевали на гнилой соломе и питались лишь несколькими горстями риса. В таких условиях узники быстро заболели и умирали.

Доктор Тернан принадлежал к небольшому числу тех пленных, которые оказывают сопротивление. Возмущенный бесчеловечным обращением, он не мог долго сдерживать негодование по поводу жестокости стражников и однажды выказал недовольство смотрителю.

Смотритель, желающий показать себя знатоком правил хорошего тона, вызвал француза на дуэль.

В то время по английским законам дуэль не считалась преступлением. Тернан выбрал себе секунданта из пленных.

У пленников, конечно, не было никакого оружия. Солдатам, сторожившим их, под страхом смертной казни было запрещено давать пленникам что-либо, что могло послужить оружием. У них не было ни ножей, ни молотков – словом, никакого предмета, с которым можно было бы напасть на врага. Казалось, что дуэль невозможна.

Смотритель предложил доктору кулачный бой, и бретонец согласился.

Тернан добавил свое условие:

– Скажите лейтенанту Зифорду, что после кулачного боя я попрошу его к барьеру, если только мне удастся достать какое-нибудь оружие.

Англичанин с громким хохотом согласился.

Индиец, приносивший доктору Тернану ежедневную порцию еды, тайно передал ему одну пару ножниц, концы которых были затуплены.

Доктор разобрал «оружие» и потратил целый день, чтобы наточить ножницы на твердом камне.

На другой день он явился на кулачный бой в назначенный час и нанес англичанину такой сокрушительный удар, который умеют наносить только бретонцы.

Офицер решил взять реванш и согласился на странную дуэль.

Но и тут Тернан остался победителем. Он глубоко вонзил стальное острие ножниц в правое плечо своего противника. Но и сам доктор заработал шрам на запястье. Сначала он не придавал ране никакого значения.

К несчастью, сталь заржавела. Началось заражение. Несколько часов спустя положение французского доктора стало критическим. В тюрьме не было хирурга, который бы мог сделать ампутацию.

Через двое суток доктор Тернан скончался. Он умер со слезами на глазах, вспоминая о своей жене и детях. Его похоронили без панихиды, без гроба. Просто положили в яму, вырытую наскоро под банановым деревом. Пленники поставили на могиле деревянный крест.

В то время как отец умирал в Бомбее, на другой стороне Индийского полуострова жена и дети, которых сторожили индийские сипаи, молились и плакали.

Известие о смерти своего единственного покровителя явилось для них настоящим горем. Однако английские власти отнеслись сочувственно к несчастной семье и позволили им поселиться на Отакамунде, близ гор Нильгерри.

Из небольшого состояния семьи осталось так немного, что вдова Тернан смогла только снять себе уединенный домик у опушки леса и жить там почти впроголодь.

Это была действительно ссылка, ссылка не только на чужую землю, но и в страну неизвестную, далекую и совершенно чуждую европейской цивилизации, ссылка, соединенная с отчаянием не увидеть более неба своего отечества, священных горизонтов «милой Франции».

Глава II

Детская решимость

Вдова Тернан была благородной женщиной с храбрым сердцем, которое не могли поколебать даже превратности судьбы. Она стойко сносила жестокие испытания, которые ей предназначила судьба.

Одна, без супруга, без друзей и знакомых, она старалась трезво оценивать свое новое положение и дать своим детям воспитание, которое позволяло бы им сохранить в их молодой памяти воспоминание и любовь к потерянному отечеству.

Сказать по правде, английские колонисты были хорошими людьми; они пришли в эти почти дикие места, чтобы испробовать разработку кофе, которую правительство метрополии поощряло субсидиями и значительными премиями.

Неподалеку от дома вдовы Тернан жили две семьи.

Одно из этих семейств, самое многочисленное, было ирландское. В нем кроме отца и матери было шестеро детей, мальчиков высоких, сильных и развитых не по годам; они помогали своим родителям по надзору за плантацией.

Общность религии породила взаимную симпатию между семьей вдовы Тернан и семьей Патрика О'Донована.

Годы укрепили эти отношения так, что обе семьи выстроили два новых дома рядом.

Впрочем, не только одна дружба была причиной этому сближению. Патрик О'Донован знал, какими скудными средствами владеет вдова Тернан, и предложил ей привлечь Анну и Вильгельма к урокам, которые он давал своим детям.

Вдова приняла с благодарностью это радушное предложение. Но, будучи истинной патриоткой, она ему сказала:

– Я прошу вас: если вы считаете себя верным подданным короля Георга Английского, то помните, что я дочь великой нации, которая называется Францией, и хочу, чтобы Вильгельм был хорошим французом.

Патрик ничего не ответил на эти благородные слова, а только крепко пожал руку своей соседке. После продолжительного молчания, он произнес на плохом французском языке следующее:

– Я хорошо понимаю ваши чувства, и если по известной причине вы не можете сами следить за воспитанием вашего сына, то я, Патрик О'Донован, научу его любить страну, которая десять лет тому назад, не колеблясь, протянула руку помощи преследуемой Ирландии.

Начиная с этого дня Анна и Вильгельм жили в самой тесной дружбе со своими ирландскими приятелями. Патрик старался всеми силами оправдать доверие вдовы Тернан и никогда не упускал случая напомнить мальчику о его происхождении и о той любви, которую он питал к его отечеству. Он ему рассказывал о Якове II, который отправился в Ирландию при поддержке французской армии, которую Людовик XIV отдал в его распоряжение и которая под Дрохедой не выдержала натиска многочисленного врага; о генерале Гумберте и о его храбрецах, которые снискали славу в одной несчастной экспедиции.

Однажды мальчик Виль³ сказал доброму Патрику:

– А что, если я вернусь во Францию и буду сражаться против англичан? Вы не будете ничего иметь против этого?

На это сын Зеленого Эрина⁴ отвечал откровенно:

³ Сокращенное имя Вильгельма.

⁴ *Зеленый Эрин* – поэтическое название Ирландии.

– Знайте, Виль, что я не только не стану вас порицать, если вы исполните такое намерение, но я вас даже буду презирать, если вы этого не сделаете.

Поэтому не могло возникнуть никакого недоразумения по поводу этого предмета.

Вскоре был подписан английский мир, мир, правда, эфемерный. Но, увы, вдова Тернан не смогла осуществить свое намерение вернуться на родину.

Булонский лагерь и выстрелы под Аустерлицем снова разожгли войну между обеими нациями. Войне суждено было продолжаться до битвы Наполеона при Ватерлоо и его падения.

В то время как происходили эти великие события, которые перевернули вверх дном всю Европу, у подошвы Нильгеросской горы, в этом потерянном уголке Индии, где Англия своей лихорадочной и разрушающей силой не могла еще твердо основать колонии своего государства, Анна и Вильгельм мирно росли, получая практические уроки О'Донована и религиозно-нравственное воспитание, которое давала им благочестивая и верная национальным традициям мать.

Под влиянием климата, который способствовал раннему развитию, оба ребенка быстро росли, прибавляя в силе и в уме.

Лучше всякого другого наставления стесненные обстоятельства служили им хорошим средством воспитания.

Местность, в которой они жили, населяли люди с низким уровнем социального развития.

Подверженные самым ужасным суевериям, эти люди имели очень смутное представление о человеческом достоинстве. Они довольствовались самой грубой пищей и нисколько не старались ее улучшить и воспользоваться помощью, которую им с готовностью предоставляли белые.

Страна, где они жили, была гориста и окружена густыми лесами, почти девственными, в которых можно было охотиться, ибо там было много дичи.

В этих лесах бродили целыми стадами пятнистые олени, которые были очень нежными и так малы ростом, что походили на ягнят. Нильгаутские антилопы, северные бараны с огромными спиральными рогами, дикие буйволы и ягуары, охота на которых представляла большую опасность.

Там водились также слоны и носороги, кабаны, бабируссы, медведи, леопарды, гиены и бесчисленные виды разных ядовитых змей. Среди всех этих страшных обитателей лесов самым ужасным был большой полосатый тигр, царь и властелин лесов.

Вильгельм и Анна имели случай познакомиться с этим страшным «пожирателем людей» при самых запоминающихся для них обстоятельствах.

Как-то утром они отправились на опушку леса с неосторожностью своего юного возраста.

Недалеко от их жилища протекал ручей, на берегу которого росли великолепные орхидеи, предмет их постоянного желания.

Несмотря на запрещения матери и на благоразумные советы Патрика О'Донована, брат и сестра составили план тайком отправиться к ручью, чтобы там нарвать прекрасных цветов.

Этот план они привели в исполнение однажды после обеда.

Чистая и свежая вода не только способствовала богатой растительности, но также служила питьем для лесных зверей.

Там собирались на склоне дня газели, лани и пятнистые олени.

Также прилетали к ручью птицы с самым разнообразным оперением, среди них встречались и журавли, и фазаны, и куруку, и павлины с пышными хвостами, отливающими золотом и бархатом всех цветов.

Кажется, в тот день особенно радовались растения и животные.

Никогда еще эти два неосторожных ребенка не видели такого великолепного собрания всевозможных цветов и благоуханий, никогда еще не поражали их зрение такие прекрасные птицы и такие великолепные насекомые.

Казалось, все повиновалось приказу увлечь и очаровать их.

Анна и Вильгельм были очарованы этим великолепным зрелищем. Они ушли тайком из своего скромного жилища, стараясь не попадаться на глаза слугам, приставленным смотреть за ними.

Держась за руки, они перешли за забор и быстро побежали, чтобы их никто не увидел. От их дома до ручья было более мили.

По полям роскошная природа раскинула все свои сокровища. Искушение было слишком велико. Под ногами росли прелестные цветы; дети протягивали свои ручонки и рвали самые красивые, самые свежие.

Но ни брат, ни сестра не думали, что под этими тропическими растениями могут скрываться ядовитые змеи, как, например, кобра-капелла и другие пресмыкающиеся со смертоносным ядом, прячущиеся под этим зеленым ковром.

– Виль! – кричала Анна, не скрывая своего восторга. – Иди-ка, посмотри на эту бабочку! Я никогда еще не видела такой красивой и такой большой.

И Виль прибежал и делил восхищение своей сестры с такой же неосторожностью, как и она сама.

Так дошли они до берега ручья и уже набрали много цветов. С полными букетами они собирались вернуться домой.

Но непредвиденный случай заставил их забыть о том, что уже наступило время спешить домой.

В нескольких шагах от них великолепный павлин сидел на ветке и издавал неприятные звуки, что является обычным развлечением павлинов. Вдруг прекрасная птица спорхнула с ветки и, опустившись на берег в двадцати или в тридцати метрах от детей, замерла.

Казалось, кто-то превратил ее в статую, так она была парализована.

Предмет, еще невидимый для детей, приковал взор павлина.

Индийцы уверяют, что павлин впадает в столбняк под гипнозом тигра, какой другие мелкие животные получают при виде змеи. Вероятно, в этом случае индийцы были правы.

В то время, когда дети без всякого подозрения погрузились в созерцание прекрасной неподвижной птички, трава на берегу раздвинулась и тигр громадного роста устремил на павлина свирепый взгляд своих золотистых зрачков.

Ни Анна, ни Вильгельм ничего этого не видели.

– О, посмотри, Виль, – сказала тихо маленькая девочка своему брату, – посмотри, как он дрожит. Кажется, что его прекрасные перья блекнут и краски их побледнели.

И вдруг она замолчала. В ее жилах заледенела кровь.

Она увидела тигра, ползущего в высокой траве и готового вскочить на несчастную птицу, парализованную от ужаса. К счастью, дети были скрыты от животного небольшими кустарниками.

Виль схватил сестру за руки и заставил ее сделать несколько шагов назад.

Позади них, на расстоянии трехсот или четырехсот метров, возвышалось дерево с рощими очень низко ветками; на нем можно было спрятаться.

Вильгельм знал, что тигр не карабкается на деревья.

Значит, им нужно добраться до дерева, чтобы быть вне опасности.

Мальчик сделал второй шаг, затем третий, заставляя сестру двигаться назад первой, и буквально закрывал ее своим телом.

Таким образом они достаточно приблизились к дереву.

Тигр был слишком поглощен созерцанием своей добычи, чтобы заниматься чем-нибудь другим.

Дети уже почти подошли к стволу, как вдруг Анна поскользнулась и упала.

Этот шум прервал неподвижность павлина. Влияние, которое тяготело над птицей, было прервано, и она взлетела, испуская пронзительный крик, в это же самое время тело тигра содрогнулось, и он бросился вперед с вытянутыми когтями, чтобы схватить птицу.

Зверь был обманут в своих ожиданиях и это его рассердило. Он громко зарычал. И вдруг, повернув голову, он увидел детей.

В два громадных прыжка он перескочил ручей. И предстал во всей своей ужасной красоте.

Это был громадный королевский тигр, одиннадцать английских футов в длину от морды до хвоста. Его шкура была шафранного цвета, с широкими, черными, как бархат, полосами, а шея и грудь белоснежные. Он испустил громкий радостный рык.

Павлин представлял для него очень скудную добычу. И он считал себя вполне вознагражденным при виде такой обильной пищи, зная по опыту, как вкусно мясо человека, а в особенности – мясо детей.

Анна приподнялась с земли и быстро оправилась от своего падения. Близость опасности придала ей крылья, она быстро подбежала к дереву и стала уже на него взбираться, тогда как Вильгельм, исполненный мужества от мысли о возможности гибели сестры, смело стоял перед противником.

Он подвигался назад шаг за шагом, не теряя присутствия духа.

Но тигр приближался с каждым прыжком, и можно было опасаться, что лютый зверь достигнет мальчика прежде, чем тот успеет взобраться довольно высоко, чтобы избежать нападения неумолимого врага. В тот момент, когда Виль схватился одной рукой за ствол, приподнялся вверх и уже хотел было поставить ногу на одну из горизонтальных веток, как вдруг ужасный зверь заставил его отступить на два метра от дерева.

– Карбайся, Виль, карбайся скорее! – кричала Анна глухим от тревоги голосом.

Но Вильгельм казался парализованным взором чудовища.

Быть может, и он испытывал такое же явление гипнозизма, как павлин? Он оставался неподвижен на нижних ветвях, неспособный сделать ни малейшего движения, и представлял собой беззащитную жертву для «пожирателя людей».

Тигр же, уверенный в своей жертве, больше не делал прыжков.

Он волочился брюхом вниз, с разинутой пастью, то высовывая, то пряча свой длинный красный язык. Еще три или четыре прыжка, – и страшное животное схватило бы ребенка в свои острые когти.

– Карбайся, карбайся, Виль! – умоляла Анна, рыдая.

Но Виль ничего не слышал. Мальчик, казалось, не понимал грозных обстоятельств. На него напал столбняк и парализовал все его способности.

Между тем тигр полз вперед и приближался ближе.

Вдруг он остановился. Анна испустила крик отчаяния.

Но, вместо того чтобы двигаться по-прежнему вперед, тигр встал и выпрямился, точно хотел стать лицом к лицу с неожиданным противником. В то же время из его горла послышалось страшное рычание – смесь гнева с обманутой надеждой.

Действительно, противник точно вырос из-под земли.

И движения тигра еще раз были прерваны точно так же, как и кончилось действие его чар над Вильгельмом. С мальчика спало оцепенение, и он мигом вскарабкался на дерево с гибкостью белки.

Все это случилось так быстро, как проходит в голове наша мысль.

И теперь брат и сестра, тяжело дыша, следили жадными взорами за драмой, которая разыгрывалась у их ног. И были теперь только в качестве свидетелей. Человек, появившийся так неожиданно, стоял неподвижно. Он вскинул ружье и смотрел пристальным взором на зверя, выжидая удобной минуты, чтобы произвести смертельный выстрел.

Но тигр, точно понимал опасность и не стоял спокойно на одном месте. Он то ходил взад и вперед, то делал громадные прыжки, как бы заставляя любоваться изяществом своего тела и прекрасным отражением своей золотистой шкуры.

Казалось, он хотел обойти своего противника, так как не смел стоять перед ним лицом к лицу.

Но противник не терял его из вида, несмотря на всевозможные фокусы тигра, который всегда видел перед собой угрожающее дуло ружья.

Наконец человек, утомленный бесполезными движениями животного, решился выстрелить.

Громкий выстрел разнесся эхом по лесу и покатился под сводами листьев. Чудовище, не окончив предпринятого прыжка, тяжело упало на то место, с которого готовилось сделать прыжок.

Два или три конвульсивных движения взволновали тело чудовища, которое скоро сделалось неподвижным. Он околел. Пуля сделала свое дело. Она вошла в грудь, поразив сердце.

Охотник приблизился к этому великолепному трупу и тронул его ногой. Тогда, видя, что зверь больше не двигается, а из его пасти течет струя крови, он повернулся к дереву.

– Слушайте, дети, – сказал он им, – вы теперь можете спуститься, так как «пожиратель людей» никого уже больше не будет есть.

Он сказал это чистым и молодым голосом, исполненным доброты.

Вильгельм и Анна почувствовали тотчас симпатию к этому человеку за его слова, тем более, что он говорил по-французски.

И зачем им было бояться его? Разве он не был их спасителем? Разве он не уберег их от ужасной опасности?

Они повиновались приглашению и тотчас поспешили слезть.

Прижавшись друг к другу, они стали рассматривать нового знакомого своими большими глазами, но не говорили ни слова.

Охотник громко расхохотался, глядя на все еще испуганных детей.

– А! – воскликнул он. – Что вы на меня так пристально смотрите? Разве вы не видите, что тигр мертв и что уже нет никакой опасности?

Анна первой пришла в себя, и к ней вернулось все ее хладнокровие.

– Вы очень добры, сударь, – сказала она, – что убили тигра, но почему вы говорите по-французски? Значит, вы не англичанин?..

– Так же, как и вы, дети, – ответил иностранец с волнением, – и я вижу, что вы именно те, кого я ищу, а именно – дети доктора Тернана.

– Папа умер, – грустно сказала Анна, – осталась только мама.

На глаза незнакомцу навернулись слезы, отчего он стал еще симпатичнее детям. Он провел рукой по ресницам и сказал:

– Отведите меня к вашей матери. Я друг вашего отца.

Однако шум выстрела услышали в обоих домах. И люди спешили к месту происшествия. Издали слышались голоса:

– Анна! Виль! Где вы?

Среди этих голосов особенно был слышен женский голос.

– Вот и мама, – сказал маленький Виль. Слыша отчаянные вопли испуганной матери, мальчик ответил: – Мы здесь, милая мама! Иди сюда!

Вдова Тернан появилась запыхавшаяся, бросилась, как разъяренная львица, к двум неосторожным детям и страстно заключила их в свои объятия, не обращая внимания на присутствие незнакомца, который стоял, опершись на свое ружье.

В это время Патрик О’Донован, его старшие сыновья и слуги прибежали на луг и остановились, пораженные от удивления перед исполинским трупом тигра.

– Дети, мои милые малютки! – плакала вдова Тернан, у которой не хватало сил бранить детей.

Патрик приблизился к незнакомцу и протянул ему руку.

– Я угадываю, – сказал он ему по-английски, – что вы убили животное и спасли обоих детей. Очень благодарю вас за это.

– Да, – воскликнул Вильгельм, выскользнув из объятий матери, – да, этот джентльмен пришел именно в то время, когда мы карабкались на дерево, и убил тигра!

– И, – добавила Анна, совершенно оправившаяся от своего смущения, – без него Виля бы съели.

Тогда вдова Тернан, узнав о том, что произошло, подошла к молодому человеку и горячо поблагодарила его со слезами на глазах.

– Я не знаю, кто вы такой, сударь, но знаю только то, что я вам обязана жизнью моих детей.

Незнакомец поклонился и поцеловал руку вдовы.

– Сударыня, – сказал он, – я маркиз Жак де Клавалльян; я привез вам последнее воспоминание о добром французе, который был вашим мужем.

– Воспоминание о моем муже? – воскликнула бедная женщина в сильном волнении и радушно попросила путешественника войти к ней в дом.

Между тем индийские слуги устроили носилки для исполинского тигра, которого они хотели отнести в дом вдовы.

Вдова Тернан приказала своему слуге приготовить стол, она хотела собрать за ним гостей: охотника, который спас Анну и Вильгельма, и всех членов семьи О’Донована, своих друзей.

Так у бедных ссыльных состоялся праздник.

Уже пять лет, как вдова не видела своих соотечественников. Пять лет, как ее ухо не слышало милого национального говора, ее родного языка, языка Франции.

Стали расспрашивать гостя; хотели знать, как он узнал местопребывание пленных с «Бретани», и как он их нашел.

– Конечно, – объяснил молодой человек, – это было не очень легко. Война, продолжавшаяся между обеими нациями, делала любую попытку тщетной; но с тех пор как был заключен мир между Сент-Джеймским кабинетом и правительством первого консула, я смог снова начать свои розыски, которые были так близки моему сердцу.

Он рассказал, как он, сын эмигранта, в пятнадцать лет прошел по всем морям от Ильде-Франса до Антильских островов, ловя всякий удобный случай, чтобы сразиться с вековой соперницей Франции; как в двадцать четыре года он встретил Сюркуфа, бывшего только на четыре года старше его; как был взят в плен после жестокой битвы при Коломбо, когда бедный юноша был оставлен, как мертвый. Он остался пленником англичан, которые из уважения к его храбрости не расстреляли его, не повесили по законам, применяемым к корсарам, а посадили его в тюрьму.

Таким образом он познакомился с доктором Шарлем Тернаном, который за ним ухаживал с самой неутомимой преданностью, и тогда он поклялся вернуть ему долг признательности, как и Сюркуфу, своему начальнику и другу.

– Сударыня, – сказал он, заканчивая свою речь, – мне пришлось отложить уплату этого долга до заключения мира, так как не в моей власти было исполнить эту обязанность раньше, а между тем она была так дорога моему сердцу. Доктор Тернан умер у меня на руках, и его самым большим горем, могу вас в этом уверить, была мысль о вашей скорби и участи, на которую вас обрекли плен и горе после потери мужа. Я его уверил, обещая, что как только буду свободен, отвезу вам и вашим милым детям дар моей признательности и признательности Сюркуфа. Богу было угодно удостоить меня этой милости. Позвольте же мне расплатиться с моим долгом.

Говоря это, маркиз Жак де Клавалльян достал из-за пояса туго набитый кожаный бумажник. Он вынул оттуда бумажный конверт, а из него четыре векселя по четыреста фунтов стерлингов каждый на один английский банкирский дом в Мадрасе.

Несколько минут все были в сильном смущении. Эти сорок тысяч франков, упавшие как будто с неба, составляли целое богатство для ссыльных.

Вдова Тернан не могла сдержать слез, а дети, глядя на нее, тоже плакали, так что Жак де Клавалльян, более смущенный, чем хотел казаться, попробовал повернуть разговор в другую сторону, радостно воскликнув:

– Если мое присутствие вызывает слезы, то мне остается уехать как можно скорее, а именно – сегодня вечером.

Эта шутливая угроза всех развеселила.

Стали говорить о разных других вещах. Заставили храброго молодого человека рассказать о его подвигах. Он с удовольствием исполнил это желание и удивил своих слушателей рассказами о баснословных подвигах корсаров.

Вильгельм слушал его с открытым ртом и блестящими глазами.

Его маленькое тело дрожало. Блестящие глаза были полны удивления. Иногда с его уст срывались восклицания удивления, это говорило о том, что мальчик живо интересовался рассказом. Патриотизм корсара вызывал у мальчика слезы на глазах. Никогда еще рассказчик не пользовался таким искренним успехом.

Когда он закончил, маленький Виль вскочил, подбежал к молодому человеку и, страстно обвив его шею руками, сказал:

– Я хочу быть моряком, как вы, господин де Клавалльян, моряком, как Сюркуф. Я хочу воевать с англичанами и увезти маму и Анну в Бретань. Отвезите меня к Сюркуфу. Я хочу ехать с вами.

В это время мадам Тернан испустила крик ужаса, но мальчик сказал:

– О, не беспокойся, мама! Ведь ты как бретонка не можешь мне воспрепятствовать стать моряком. Не забывай также, что сам папа обещал отдать меня Сюркуфу.

Конечно, нельзя было ожидать немедленного согласия. Сердце матери никогда не соглашается на разлуку. Вдова Тернан горько плакала и делала выговор своему сыну.

– Вильгельм, – говорила она, – неужели ты действительно думаешь нас оставить? Неужели не довольно того, что мы потеряли твоего отца? Что станет с нами, с твоей сестрой и со мной, с двумя бедными женщинами, без всякого покровительства, если ты вздумаешь нас оставить?

Но у Виля уже было готово возражение, тем более что он был очень умным мальчиком.

– Мама, – возразил он, – какую помощь могу оказать вам я, десятилетний ребенок, в превратностях судьбы? Но между тем в этом возрасте я могу начать учение и сделаться человеком, если пройду хорошую школу. Я буду учеником господина маркиза де Клавалльяна и юнгой Сюркуфа!

– Юнгой Сюркуфа! – повторила вдова Тернан, как жалобное эхо.

Но тут вмешалась сестра, которая приняла сторону брата.

– Мама, – заметила решительно Анна, – я думаю, что Виль совершенно прав, и что, начав рано учиться, он быстрее сделается самостоятельным.

– Хорошо, я согласна, чтобы ты ехал с господином де Клавалльяном, если он согласится взять тебя с собой.

– Конечно, я его возьму с собой, – весело сказал Жак. – А так как вы говорите серьезно, моя маленькая героиня, то заявляю вам, что лишь только вы достигнете того возраста, когда сможете выйти замуж, то я приду просить вашей руки у мадам Тернан. Думаю, что она мне не откажет.

– И я тоже не откажу! – наивно воскликнула девочка.

Так в один вечер было решено отправить Вильгельма Сюркуфу и заключить помолвку Анны. Патрик О'Донован был свидетелем.

Господин де Клавалльян прогостил около месяца в семье Тернан, а затем уехал и увез с собой Вильгельма.

Глава III

Начало

Прощание было очень трогательным, Виль горько плакал. Ведь он вступал в суровую, еще неведомую ему жизнь, которую он выбрал сам. Его сердце разрывалось от мысли оставить мать и сестру, но его решение было твердым. Он справился с последними волнениями, особенно когда сестра, утирая слезы, сказала ему:

– Виль, через пять лет ты будешь человеком. Тогда-то и наступит момент твоего приезда за нами. Не забывай этого.

– Никто этого не забудет, – сказал Жак, целуя в лоб девочку. – Не забудьте только вы этого, моя прелестная невеста. Я же сегодня постараюсь скорее уехать, чтобы сократить время расставания.

Жак нанял двух лошадей и проводника, с которым он должен был пройти до Мадраса.

Там они нашли трех пленных французов, из которых двое были старыми матросами. Их молодость прошла среди замечательных людей Франции, под начальством которых они служили.

Клавалльян предложил увезти их в отечество или, по крайней мере, до острова Бурбона. Такое предложение было принято с восторгом.

Они воспользовались отходом первого судна и взяли на нем пять мест, чтобы отправиться в Европу. Но нужно было пробыть несколько дней в английском городе. Жак Клавалльян был любим даже своими врагами. Всем хотелось видеть храброго лейтенанта – молодого корсара, который внушает ужас по всем морям.

Накануне отъезда, когда пять путешественников собирали свой скудный багаж, капитан судна явился в отель, где жили пассажиры, и спросил Жака де Клавалльяна.

Жак был крайне удивлен таким неожиданным визитом.

– Сударь, – сказал англичанин, – я вам возвращаю деньги, которые вы заплатили за проезд.

– Гм! – воскликнул Жак. – Что это значит?

– Это значит, что приехал из Европы курьер и заявил, что снова началась война между Англией и Францией, а поэтому я не могу выпустить вас из Индии, так как вы – наш пленник.

– Но, – отвечал Клавалльян, – мы были освобождены во время мира, нас не могут задерживать против нашей воли.

Капитан пожал плечами и сказал:

– Это не мое дело, обратитесь за разрешением к губернатору.

Маркиз побежал тотчас к лорду Блэквуду, который в то время командовал в Мадрасе. Его приняли с большой учтивостью.

– Господин маркиз, – сказал галантно губернатор, – слово «пленник» совершенно не имеет никакого значения. Вы свободны во всех ваших действиях на всем протяжении территории Индостана. Но вы не можете требовать от Англии, чтобы она дала в ваше распоряжение свои суда, чтобы вас отправить в такое место, где вашим первым делом будет поднять против нас оружие.

– Милорд, – отвечал Жак, – но ведь вы говорите, что я свободен? Если это так, то я действительно имею право покинуть английскую территорию и вы тогда будете иметь право погнаться за мной и взять меня в плен.

– Вы совершенно правы в вашем суждении. Но из дружбы к вам и чтобы избавить вас от гибели и от неприятности такого приключения, я предпочитаю оставить вас при себе. Бесплезно будет говорить, что мы сделаем все зависящее от нас, чтобы смягчить ваш плен. Я отдал

приказ, чтобы вам приготовили помещение во дворце губернатора. Вы будете моим гостем и иметь место за обеденным столом. А леди Блэквуд будет очень рада видеть вас в своем салоне.

Клавалльян иронически поклонился своему собеседнику:

– Милорд, ваше предложение напоминает мне времена Людовика Шестнадцатого и Сюффрена. Мой отец, честный дворянин, также имел честь, несмотря на свое небольшое состояние, приютить у себя в доме шотландского полковника, взятого в плен в сражении при Уэссане. Я вижу теперь, что вы совершенно достойны старинной французской традиции, я вас хвалю за это. Но случилось ли вам когда-нибудь видеть, что можно приучить ласточку к клетке без того, чтобы она не стала ломать жердочки и не старалась бы освободиться из своего плена?

– Фи! – господин маркиз. – Неужели вы называете тюрьмой жилище губернатора Мадраса, а леди Блэквуд тюремщицей? Я ожидал большей любезности от французского рыцаря.

Клавалльян разразился громким смехом:

– Милорд, всегда выигрываешь с умным человеком. А я вполне сознаю, что сказал глупость. Однако успокойтесь, я постараюсь исправиться и заслужить ваше доверие.

Оба они расстались мирно, пожав друг другу руки.

Англичанин смеялся над уступчивостью француза, а француз уже составлял в голове план самого дерзкого бегства.

Маркиз вернулся в гостиницу, где ожидал его Виль в страшной тревоге.

– Дитя мое, – сказал он ему, – произошли крайне неожиданные вещи. Война началась снова, и капитан не соглашается перевезти нас во Францию, а поэтому нам придется пробить некоторое время здесь.

Ребенок посмотрел на молодого человека взором, полным отчаяния.

В его глазах было видно, что эта новость была крайне ему неприятна, и он, казалось, разочаровывался в маркизе, так как до сих пор считал его самым непобедимым героем Франции, самым неистовым любителем побед, который всегда охотно предпочитает смерть рабству.

Все это Клавалльян ясно видел в светлых глазах Вилия.

Он почувствовал унижение и оскорбление от мысли, что его любовь к независимости вовсе не так велика, как это казалось.

Но все же это был человек с сердцем, этот Жак де Клавалльян.

Он сказал себе, что если он действительно имел право, даже обязанность, насильно воспользоваться свободой, чтобы лучше служить своему отечеству, то в то же время он не имел права увлекать в свою полную приключениями жизнь одиннадцатилетнего ребенка, которого он почти увез из семьи и лишил вдову сына, на поддержку которого она рассчитывала.

Он начал говорить, подавляя в себе гордость и стараясь подавить дрожь в голосе:

– При таких обстоятельствах ты должен понять, что я не могу тебя держать при себе и забирать тебя от твоих близких. Поэтому я отвезу тебя к матери, и мы приведем наше намерение в исполнение тогда, когда наступит более благоприятное время. Думаю, что это будет скоро.

Он не мог более продолжать, волнение его становилось необычайно сильным. Две крупные слезы выкатились из глаз ребенка.

– О чем ты плачешь? – спросил маркиз.

Виль отвечал, едва сдерживая рыдание:

– Я вижу, что вы не хотите взять меня с собой. Если вы меня отвезете обратно к маме, то это значит, что вы уедете один и опять поступите на службу к Сюркуфу. Однако вы обещали взять меня с собой...

– Мой милый мальчик, – нежно возразил маркиз, – ты достаточно умен для того, чтобы понять, что я не могу впутывать тебя в свои приключения. Что возможно для мужчины, то невозможно для ребенка. Я вовсе не хочу быть причиной твоего несчастья.

– Знаете, – сказал ребенок, – я угадал ваше намерение. И в свою очередь заявляю вам, что я вовсе не хочу вернуться домой. Теперь мама уже принесла жертву, которая ей стоила так дорого. Я сторю от стыда, если должен буду заявить Анне, что уступил вашим предложениям вернуться обратно домой и не выдержал первого испытания. Если же вы меня силой отвезете домой, то я убегу оттуда и сделаю один то, чего вы не хотели сделать для меня.

В чертах лица мальчика выразилась такая решимость, что Клавалльян не мог сдерживать улыбки. Он дружески похлопал мальчика по плечу и сказал:

– Действительно, это твое призвание. Вооружайся мужеством и будь готов к пути по моему первому знаку. Нелегко будет выйти из-под надзора англичан! Но Индия велика, а за неимением судна мы найдем, быть может, малабарскую рыбацью лодку.

Глаза Виля заблестели, и он воскликнул:

– О! Подайте скорее этот знак! Я горю нетерпением показать вам, что у меня довольно мужества.

– Хорошо, мой мальчик, – заметил маркиз, – я несколько в этом не сомневаюсь и скоро предоставлю тебе возможность доказать мужество.

Начиная с этого дня у молодого человека и у ребенка не возникало больше недоразумений – все стало ясным...

В то время как Жак обдумывал свой план, Вильгельм с другими десятью моряками, также посвященными в это дело, брали уроки гимнастики и мореплавания. Сильное желание быть моряком способствовало учению мальчика – он учился всему очень быстро. За несколько дней Виль выучился отлично плавать даже среди самых сильных волн, влезать на деревья, делать узлы, владеть веслами, как самый опытный студент морской школы Оксфорда или Кембриджа. Через два месяца его природная гибкость, увеличившая еще развивавшуюся силу, сделала из него самого ловкого акробата.

Эвель, британский матрос, служивший под начальством Сюффрена, сказал ему однажды:

– Из тебя выйдет такой юнга, каких мало.

Каждый вечер, когда четверо мужчин собирались вместе за общим столом (Жак Клавалльян принял на себя все расходы своих товарищей), они намеками говорили о дорогом для всех проекте.

– Ну что же, капитан, – спросил Пиарриль, другой матрос из Сен-Жан-де-Люза, – скоро ли наступит момент?

– Да, – отвечал Клавалльян, – я думаю, что послезавтра мы уедем отсюда без позволения англичан.

– А каким образом вы думаете это сделать? – спросил Эвель.

– Я вам расскажу это, когда мы будем гулять по набережной.

Час спустя трое мужчин и ребенок ходили по песчаному берегу, идущему вдоль опасного Малабарского побережья, и рассматривали лодки. Китайские сампаны – единственные суда, которые могли причаливать к этому берегу, так как он был недоступен для больших европейских судов.

– Вот мы и на набережной, – сказал Пиарриль, приостанавливаясь. – Думаю, что вы можете говорить без всякого опасения. Англичане не назначают стражи на ночь, они знают, что барьера совершенно достаточно для охраны гавани и что акулы не позволят никому выйти целым из воды. Убежать отсюда, мне кажется, совершенно невозможно.

– Однако отсюда мы и хотим бежать, – сказал Жак.

– А! И каким образом, капитан? У нас нет крыльев, как у птиц. А для того чтобы украсть одну из этих сатанинских пирог, нужно хорошо знать ходы. Если бы у нас была маленькая шлюпка, какие делают у меня в стране, тогда мы могли бы рискнуть, несмотря на заграждение и акул.

– У нас будет шлюпка, Пиаррилль, и даже самая красивая, какая только есть на свете, какую можно только иметь в этой стране, – это шлюпка милорда Блэквуда, губернатора Мад-раса.

– Вы смеетесь, капитан? Я знаю только парадное судно леди Блэквуд. Это действительно хорошая шлюпка, на которой безопасно можно пуститься в море.

– Она-то у нас и будет, товарищи, если только будет угодно Богу.

– Но чтобы воспользоваться этой шлюпкой, – возразил с сомнением Пиаррилль, – нужно ее взять. А вы не знаете, до какой степени губернатор бережет шлюпку своей жены. Сама же губернаторша ревнует эту шлюпку, как тигрица.

– Я всегда почтителен к дамам, – возразил Жак, – но самая благородная дама – это свобода. Вот почему я несколько не колеблюсь и беру шлюпку миледи Блэквуд в пользу нашей свободы.

Оба мужчины захохотали, а Эвель сказал:

– Поэтому, капитан, я ваш. Да здравствует свобода!

– То есть ты не побоишься взять у губернаторши ее любимую шлюпку, матрос?

– Конечно нет, капитан. Если нам удастся выбраться отсюда и потом пересечь на английское судно, то мы передадим шлюпку какому-нибудь англичанину, чтобы тот отдал ее своей милой соотечественнице. Это будет только одолжением на несколько дней.

Эти рассуждения, переданные тихим голосом, были только смутным указанием плана, созревшего в голове молодого корсара. Но оба товарища недостаточно поняли из кратких слов его намерения, так что продолжали его спрашивать.

– Но, капитан, – возразил один из них, Устариц, – недостаточно только желать иметь шлюпку, надо еще ее взять, а это будет нелегко.

– Я привел вас сюда, чтобы с вами поговорить. Пойдемте посмотрим, где находится шлюпка.

Сказав это, Жак де Клавалльян увлек своих друзей к небольшому кирпичному шале, в которое вели широкие ворота на петлях и на железных задвижках. Они были сделаны из такого твердого дерева, что нельзя было его разрубить даже топором.

В трех метрах от земли, на каждой стороне были сделаны небольшие отверстия для проветривания сарая.

Там-то на устроенных козлах покоилась элегантная шлюпка довольно замысловатой системы. Два человека могли удобно приподнять эту шлюпку и спустить ее на рельсы, которые продолжались за воротами здания и доходили почти до самого моря. Достаточно было толкнуть лодку на рельсы, чтобы она прокатилась до самого моря, где уже прилив подхватит ее на свои гребни.

Достигнув конца домика, трое мужчин опять обошли его кругом, осматривая и изучая его подробно.

– Этот англичанин, – прибавил Эвель, – догадался, что нам понадобится когда-нибудь его шлюпка. Он запер ее в шкаф, и я не вижу, как открыть замок.

– Но не снаружи, это верно, Эвель, а изнутри?

Это говорил Клавалльян. Бретонец с удивлением посмотрел на своего начальника.

– Изнутри, капитан? Но каким образом войти туда?

– Но разве приставные лестницы сделаны для собак?

– Хорошо! Но откуда взять эти лестницы? Конечно, их много в городе, но сипаи, наверно, найдут смешным, что мы прогуливаемся ночью с приставными лестницами на плечах.

– Эвель, ты совсем поглупел от сидения в тюрьме. Это тебя совершенно испортило, и ты сделался каким-то бестолковым.

Затем маркиз де Клавалльян позвал к себе Вильгельма, который до того времени не произносил ни слова, и, указывая на него товарищам, сказал:

– Вот этот мальчик пролезет в отверстие, которое нам не по росту, и сделает то, что будет необходимо.

Маркиз продолжал развивать свой план:

– Слушайте, вот что мы сделаем. Когда придет момент действовать, мы явимся сюда все вместе и подставим короткую лестницу мальчику. Он влезет по ней и откроет нам ворота, отодвинув задвижки.

– Но если задвижки заржавели? – перебил Эвель с недоверием.

– Твое предположение было бы основательно, если бы стерегли дом бретонцы, но тут не бретонцы, а англичане, и дело выходит совершенно другого рода. Ты хорошо понимаешь, что англичане очень осторожны и не оставляют свои запоры, не помазав маслом, в особенности те, которые лежат вблизи воды, так как в этой стране четыре месяца подряд идет дождь. Следовательно, опасаться нечего. Вильгельм положит свой маленький пальчик на задвижки, и они отпрутятся очень легко.

На это, конечно, нечего было возражать. Эвель и Устариц склонили головы в знак своего согласия с последним аргументом и поняли, что для такого человека не существует ничего невозможного. Он все придумает, как устроить и как сделать лучше.

– Тогда, капитан, – заметил Пиаррилль, – когда мы отправляемся?

– Завтра при отливе, – ответил Жак, – следовательно, ровно в полночь.

Четыре товарища стали опять ходить по набережной, где их никто не видел. Жак объяснил им свой проект во всех его мельчайших подробностях.

На следующий день устраивалось празднество во дворце губернатора.

Леди Блэквуд давала вечер, на который пригласила не только всех своих соотечественников, но даже знатных иностранцев, живущих в Мадрасе. Жак де Клавалльян был в числе приглашенных.

Он рассчитывал непременно отправиться на вечер, так как знал, что гордая англичанка ценила его присутствие. Она придавала значение появлению маркиза в ее салоне, так как хотела показать его своим гостям, как показывают какую-нибудь редкость. Следовательно, ему необходимо было появиться в доме леди хотя бы для того, чтобы удовлетворить любопытство ее гостей, и потом, выбрав удобную минуту, скрыться, чтобы привести в исполнение свой смелый план.

На следующий день в назначенный час, когда Виль и другие матросы приготавливали съестные припасы, Жак надел свое парадное платье, опоясался шпагой, которую ему из вежливости оставили тюремщики, и явился в залу мадрасского губернаторства.

Его приняли очень хорошо. Все знатные мужчины и все изящные дамы, сохранившие традиции и привычки Европы, осыпали его самыми лестными комплиментами.

В своей лести англичане дошли даже до того, что стали ему говорить о его подвигах и о тех злых шутках, которые он сыграл с моряками и матросами его величества короля Георга.

Леди Блэквуд даже прибавила с прелестной улыбкой:

– Какое несчастье, маркиз, что мы не можем вернуть вам свободу, чтобы вы опять приняли за ваши славные подвиги... Увы! Война снова началась между обеими нациями. Но, с точки зрения нашей к вам симпатии, мы задерживаем вас с полной уверенностью, что вы, по крайней мере, останетесь в живых и мы вас сохраним от всех случайностей войны и защитим вас от самого себя.

– Миледи, – ответил любезно Жак, – такой знак внимания с вашей стороны будет для меня самым приятным воспоминанием о моем пребывании в Мадрасе. Я расскажу Сюркуфу, как англичане умеют оказывать гостеприимство своим врагам.

– Сюркуф! – воскликнула благородная дама. – Действительно, маркиз, вы можете сообщить об этом именно в тот день, когда мы примем ужасного корсара в стенах Мадраса.

– А! – возразил Клавалльян, несколько встревоженный. – А вы, сударыня, имеете, наверное, некоторые сведения о моем соотечественнике?

– Самые свежие, маркиз. Совсем недавно коммодор Джон Гаррис настиг корабль Сюркуфа у наших берегов и теперь его держат запертым в бухтах Цейлона. Кажется, Сюркуф даже предложил мир, желая сдать на выгодных условиях.

– В таком случае, миледи, губернатор был введен в заблуждение: коммодор Джон Гаррис преследовал не самого Сюркуфа, а какого-нибудь ловкого плута, который принял на себя облик Сюркуфа.

Он сказал это самым приятным голосом, но с насмешливой улыбкой на губах.

Гордая англичанка сдвинула брови, и ее прелестное лицо омрачилось.

– Коммодор, маркиз, человек в летах и опытный; его нельзя заставить поверить пустякам. Мне очень жаль вашего Сюркуфа, который вынужден вести переговоры с таким человеком.

– В таком случае, миледи, я еще более сомневаюсь в правдивости ваших сведений. Но все же, уважая ваше мнение, я радуюсь своему соседству с Сюркуфом – это даст мне возможность завязать с ним отношения.

Один молодой мичман разразился громким смехом:

– О, эти французы! Они все такие! Хвастуны и фанфароны!

Жак бросил такой взгляд на молодого человека, что тому пришлось опустить глаза.

– Сударь, – возразил он, – если бы я был в Мадрасе еще и послезавтра, то считал бы большим удовольствием надрать вам уши за такие слова.

Мичман задрожал от гнева. Но его выручила леди Блэквуд, которая вмешалась в это дело, и, обращаясь к окружающим ее дамам, сказала:

– Вот нас и предупредили! Маркиз скоро простится с нами, в один прекрасный вечер или утро, отправившись к своему другу пирату. Не желаете ли вы дать ему какое-нибудь поручение?

Маркиз поклонился всему обществу и, положив руку на сердце, сказал:

– Я с удовольствием возьму на себя поручения этих дам для передачи их братьям и мужьям при случае, если встречу с ними во время своего пути отсюда во Францию.

Все громко расхохотались, и многие находили, что этот француз очень умен.

Одна молодая дама, очень веселая, воскликнула:

– Маркиз, моя сестра, леди Стэнхоуп, выехала из Англии к своему мужу в Бомбей. Она везет с собой два фортепиано французского производства. Конечно, я не поручу вам моей сестры, а только оба ее фортепиано. Позаботьтесь, чтобы их не испортили во время дороги.

– Тем более, – вмешалась леди Блэквуд, – что одно из этих фортепиано предназначается для меня. Я заплатила за него двести пятьдесят ливров.

– Фортепиано будут вам доставлены в целости, миледи, – отвечал Жак. – Только бы не подмочила их морская волна или не испортила бы шальная пуля.

В это время к маркизу подошла англичанка, сухая и суровая, и сказала:

– Маркиз, англичане относятся недружелюбно к корсарам.

Она отшпилила ленту от своего корсажа и, подав ее молодому человеку, продолжила:

– Мой зять, Джордж Блэкфорд, командует корветом «Орел». Если вам случится повстречаться с ним, то покажите ему эту ленту, и он из любви ко мне вас не повесит.

Жак взял этот залог и низко поклонился.

– Благодарю вас, миледи, – отвечал он, – я принимаю эту ленту, и если повстречаюсь со знаменитым Джоржем Блэкфордом, то поднесу ему этот залог на кончике моей шпаги.

Эти последние слова показались всем хвастливой угрозой, но на бледных и тонких губах униженной англичанки не видно было ни улыбки, ни презрения. Между тем празднество шло своим чередом. Танцевали очень воодушевленно. Жак Клавалльян, прекрасный кавалер, танцевал павану с супругой губернатора, и все любовались его изящностью и красивой внеш-

ностью. Кроме того, он участвовал и в кадрили, новой форме хореографии, изобретенной в Мальмезоне за несколько месяцев до того, как генерал Бонапарт переменял свой титул первого консула на титул императора, под могуществом которого теперь трепетал весь мир. Когда пробило половину двенадцатого на часах дворца, то Клавалльян подошел к хозяйке дома, раскланялся перед ней и заявил, что у него начинается мигрень. К сожалению, он должен лечь в постель, а потому не может остаться до конца вечера.

Улыбающийся и любезный, он простился с мужчинами и дамами, которые надеялись увидеться с ним на следующий день.

Глава IV

Бегство

В то время как маркиз Жак де Клавалльян танцевал на вечере у губернаторши, оба матроса, Эвель и Устариц, в сопровождении маленького Вильгельма Тернана, приводили в действие план, который им начертил молодой лейтенант Сюркуфа.

Были соблюдены все предосторожности. Комнаты, которые они занимали в отеле, выходили окнами на ограду, а последняя выходила на море.

Чтобы не возбуждать подозрения индийских слуг, оба матроса решили, что пройдут самой короткой дорогой, то есть через ограду, чтобы скорее добраться до берега и там начать свое дело.

Домик был не особенно высок. В нем был только один этаж, как и у большинства колониальных жилищ. Крыша была совершенно плоская и поддерживалась галереей, которая шла вокруг всего здания. Для двух ловких матросов было очень легко выйти из дома и спуститься в сад, в особенности с помощью широких и длинных ветвей банана.

Эвель первым пустился в путь. Он был наиболее сильным из двух моряков. На спину он привязал сверток с вещами, которые они брали с собой, а Устарицу предоставил нести съестные припасы. Виль прошел вторым, у него не было никакой поклажи, так что он заботился только о самом себе. Все три товарища, благодаря своей ловкости скоро достигли изгороди.

Там они некоторое время оставались неподвижными, прислушиваясь к внешнему шуму. Затем они прошли палисадник, как вдруг равномерный шум шагов заставил их вздрогнуть.

Эти шаги раздавались на шоссе, окаймляющем гавань.

Они затаили дыхание и спрятались за лежавшие там доски.

Проходил отряд сипаев, они почти касались палисадника. Но солдаты ничего не подозревали, как и всегда, и шли совершенно спокойно, не бросив даже взгляда на сад отеля.

Когда шум их шагов затих в отдалении, то Эвель, Устариц и Вильгельм перелезли через решетку, проскользнули под тень бананов, окаймляющих берег, и приближались к небольшому зданию, в котором находилась потешная шляпка губернатора.

Они подошли к ней в тот момент, когда на часах форта рейда пробило половину одиннадцатого. Никто не сторожил окрестностей кирпичного шале.

– Смелее, товарищи, – приказал Эвель, – примемся скорей за дело!

– Поди-ка сюда, мальчик, – сказал Пиаррилль Вильгельму, – наступило время, когда ты должен показать нам, что наши уроки не прошли даром и что из тебя вышел юнга на славу.

Виль не заставил повторять два раза. Он очень гордился своей ролью и старался всеми силами исполнить ее как можно лучше.

– Я нисколько не боюсь! – смело отвечал мальчик.

Не заставляя матросов объяснять ему, он обвязал веревку, которая должна была служить ему, чтобы спуститься в здание, вокруг талии.

Время было измерено, минуты сочтены. Нужно было понимать с полуслова и действовать быстро. Общая опасность придавала им силы и быстроту мысли. Эвель примостился около стены, а Устариц вскочил ему на плечи.

Виль с легкостью кошки влез сначала на спину первого, потом на спину второго. Но до окна недоставало по крайней мере полфута.

– Не бойся! – сказал Эвель.

Британский геркулес взял в свои широкие руки локти баска Пиаррилля, приподнял его, а вместе с ним поднял и ребенка. Виль положил свои руки на подоконник. Он сел на него верхом и принялся разматывать веревку.

Устариц и Эвель держали ее конец, а ребенок спускался в кирпичный шале и ощупью приближался к шлюпке. Оба моряка отправились к воротам, через которые должно было выйти судно.

– Мальчуган, – спросил Эвель, – видно ли тебе там?

– Не особенно, – отвечал Вильгельм, – но как-нибудь справлюсь.

– Трудно будет вытянуть шлюпку оттуда?

– Да, понадобится один удар краги, но только один удар, не более. Шлюпка полностью снаряжена. Нужно только натянуть паруса.

– Теперь отодвинь задвижки и открой ворота, чтобы мы могли войти.

Оба матроса слышали, как Вильгельм отодвигал задвижки у ворот. Несколько минут они находились в страшном беспокойстве.

Задвижки были отодвинуты, но как открыть замок без ключа?

Виль кричал им через замочное отверстие:

– Налегайте на правую половину, она поддастся!

Послышался страшный удар.

Но вдруг появилась новая опасность. На дороге послышались шаги.

Это, вероятно, возвращался патруль.

Они опять закрыли ворота, а сами спрятались под тенью деревьев.

Патруль приближался. Гул от двадцати ног, правильно ступавших по земле, раздавался по всей окрестности.

В одну минуту бедных матросов объял ужас. Патруль остановился на несколько минут, но это была фальшивая тревога. Патруль продолжал идти своей дорогой.

Тогда Эвель, Устариц и Вильгельм Тернан открыли ворота настежь и постарались поставить тележку на рельсы.

Послышался звук городских часов. Они пробили одиннадцать раз, и их эхо разнеслось в сонном пространстве.

Эвель посмотрел вдаль: весь горизонт был покрыт сплошным мраком.

Только на расстоянии двухсот метров виднелась белая линия, извивающаяся, как змея.

– Волна, – проворчал он. – Море поднимается. Капитан должен быть здесь.

– Капитан сказал, что мы выйдем в полночь, – произнес Пиаррилль Устариц. – Нам еще нужно ждать целый час.

– Только бы не взошла луна, – вздохнул бретонец.

– Ба! – весело воскликнул маленький Виль. – Господь покровительствовал нам до сих пор, так неужели Он оставит нас в последнюю минуту?

– Ты хорошо сказал, малютка, – поощрил его бретонец. – Будем ждать и надеяться.

В ожидании капитана матросы и мальчик уселись в шлюпку, закрылись парусами, чтобы охранить себя от насекомых, которых много водилось в той местности.

– По моему мнению, – сказал Эвель, – мы можем пока немного поспать.

– Спи, если хочешь, – согласился баск, – а я буду ждать капитана.

Он закрыл ворота во второй раз и приткнулся около них, закуривая трубку.

– Только не подожги камбуз! – проворчал Эвель, лениво растягиваясь на парусах, сложенных у мачты.

Однако сон матроса не был продолжителен. Раздался тихий протяжный свист.

– Слушайте, братцы! Будьте настороже, кто-то идет.

Этот кто-то был не кто иной, как Жак.

Трое товарищей были очень удивлены, увидев подошедшего к ним молодого корсара в бальном костюме. На нем были короткие брюки, рубашка с кружевным жабо, треуголка с шелковыми петлицами, а сбоку сабля с перламутровой рукоятью.

– Капитан, – спросил Эвель, посмотрев на него, – неужели вы думаете выйти в море в этом костюме?

На это капитан весело ответил:

– У меня не было времени переодеться, я только что вышел с бала. Но мы должны отправиться сию минуту, я переменю костюм на море. Тащите скорее шлюпку.

Тележка была не особенно тяжела. Англичане – народ практичный – умеют всегда прекрасно сочетать комфортабельность с удобствами жизни. В данном случае лорд Блэквуд даже превзошел своих соотечественников.

Крепления, которые удерживали шлюпку у стены, были открыты, и лодка быстро соскользнула вниз по железным рельсам. Осторожными методичными толчками матросы довели ее до берега и спустили на воду. Оставалось только снять тент, уставить подвижной руль и дожидаться прилива.

Это было недолго. Рельсы проходили довольно далеко за берег, так что люди стояли по пояс в воде, толкая шлюпку. Прилив мало-помалу поднял ее, а первая сильная волна освободила лодку от поддержек.

Четыре удара весел отделили их от берега на расстояние пятидесяти саженей.

– Кто из вас знает фарватер? – спросил Клавалльян.

– Кажется, никто, – ответили оба матроса.

– Тогда с Божьей помощью будем надеяться на нашу счастливую звезду и поедем.

Десять метров они шли вдоль загороди, брошенной англичанами далеко в море.

Море было очень бурным. Пришлось бороться со стихией и нельзя было натянуть паруса из предосторожности, чтобы лодка не опрокинулась. Около двух часов ночи показалась на небе луна. Она была только в первой четверти, поэтому свет был не особенно ярок.

– Нам нужно непременно достигнуть фарватера до начала дня! – сказал Клавалльян.

Каким образом пройти этот опасный переход без помощи лоцмана?

В ту минуту, когда они задумались над этим, само Провидение явилось им на помощь.

Лодка с индийскими рыбаками выходила из гавани и шла в открытое море. Она незаметно приблизилась к шлюпке беглецов.

– Слушайте! – закричал Жак своим товарищам. – Вот наше спасение.

Шлюпка остановилась, и в то время, когда рыбаки проходили мимо, Эвель и Устариц зацепили лодку баграми.

Сначала индийцы испугались, но потом успокоились, потому что баск бегло говорил на их языке. Он объяснил им, какая услуга от них требуется. Конечно, индийские рыбаки охотно согласились быть лоцманами беглецов и проводили их до выхода в фарватер, который начался за барьером.

Следовательно, четыре француза были укрыты от преследования неприятелем.

Тогда только они решились поднять паруса. Для этого наступило время. В течение четырех часов Эвель, Устариц и маркиз гребли без перерыва, их руки не оставляли весел. Их ладони, не привыкшие к работе, покрылись мозолями.

Но все же нужно было как можно скорее прийти к какому-нибудь решению. Действительно, такое бегство на губернаторской шлюпке было равносильно сумасшествию. Только любовь к свободе могла заставить этих людей пренебречь всеми опасностями и пуститься в такое рискованное дело.

В самом деле, они подвергались всем опасностям моря, а Индийский океан, как известно, шутить не любит. Даже и большие суда с опытными командирами и лоцманами попадают во всевозможные случайные ситуации в этом бурном океане.

Что ожидало этих людей, пустившихся в море в небольшой скорлупке, которой грозила опасность от тайфунов, циклонов и водоворотов? В особенности в такое время года, когда бури свирепствуют в этом океане.

Время приближалось к весеннему солнцестоянию, которого опасаются все. Если опасность бурь не была еще так велика, то все же надо было опасаться различных колебаний температуры.

Они плыли под жгучим небом, приближаясь к экватору, то есть к тому ужасному кругу, который делит Землю на равные полушария, и на котором солнце постоянно держится в зените.

Но и это еще не все. Беглецы взяли с собой очень мало съестных припасов – на пять-шесть дней, не более. Каким образом им помочь в этом ужасном положении? Каким образом им поддерживать свои силы и здоровье?

Но что их особенно беспокоило, так это то, что они взяли с собой очень мало пресной воды.

Но как помочь этому горю?

Подняться к северу? Об этом нельзя было и думать. Это значило бы усложнить затруднения, потому что там, на севере, был враг – англичанин, властелин Бенгалии, устье Годавери и Брахмапутры, и тогда его крейсера нагонят беглецов и захватят их вместе со шлюпкой.

Следовательно, это было невозможно. Беглецы колебались относительно выбора направления. Идти на восток или на юг?

Клавалльян решил, что они отправятся на юг в открытое море.

Кроме того, он решил, что будут держаться как можно ближе к берегу, чтобы быть постоянно недалеко от земли и чтобы на случай опасности укрыться от английских судов в какой-нибудь бухте. Они опасались даже небольших лодок, которые могут их захватить в плен и отвести в Мадрас.

В первый день все обошлось благополучно.

Поднялся легкий северный ветерок, паруса надулись и судно пошло по его направлению. Шлюпка подвигалась вперед с быстротой колесницы, запряженной быстрыми конями.

Она подвигалась на волнах, не теряя из вида берега, и шла в южном направлении, к Цейлону и к Палкскому проливу.

Наши путешественники по прошествии двух дней решили отдохнуть на пустынном берегу, пострелять там дичи, чтобы этим увеличить запас свежего мяса; кроме того, они думали найти здесь пресную воду.

Это несколько обнадежило беглецов.

На пятое утро, когда они вздумали рассматривать горизонт на севере, зоркий глаз Уста-рица открыл белое пятно, которое, увеличиваясь, обратилось в паруса военного корабля.

– Нас преследуют, – сказал Жак. – Это корвет, он называется «Старый Нейл». Его ожидали в Мадрасе на другой день после нашего отъезда. Он за нами гонится.

И шлюпка по приказанию своего молодого начальника натянула все свои паруса, насколько было только возможно, и пустилась по ветру вперед.

Жак Клавалльян решительно не знал, что делать. Более всего он опасался за маленького Виля. Корвет их уже видел и гнался за ними.

Погоня продолжалась без отдыха до наступления ночи.

Все это время шлюпка держалась на достаточном расстоянии. Быть может, была еще возможность ускользнуть после наступления темноты. Но для этого нужно было, отдалившись от берега, направиться к востоку и отдать себя на волю случая.

Клавалльян посоветовался со своими товарищами.

– Нам остается два выбора: отыскать какое-нибудь уединенное место и спрятаться там, чтобы скрыться от преследователей, и второе – броситься вплавь, отдавшись на милость волн. В первом случае экипаж корвета может нас настичь, если мы не сумеем достаточно прикрыться; во втором случае мы можем нарваться на ужасные циклоны. Что мы должны предпринять, по вашему мнению?

– Все, кроме плена! – единодушно воскликнули оба моряка.

– А ты, Виль? – спросил маркиз. – Ты ведь также имеешь право голоса.

– Я скажу то же, что Эвель и Пиаррилль, – храбро ответил ребенок.

– Тогда с Богом! – торжественно произнес Клавалльян.

Он стал ожидать, когда станет еще темнее.

Наконец наступила ночь. Шлюпка направилась к юго-востоку, к Никобарским островам, находившимся на расстоянии трехсот миль, в лабиринтах которых можно было легко избежать преследования.

Когда рассвело, все с радостью увидели, что пошли верным путем – корвета не было видно на северном горизонте.

Однако около полудня он появился на западе. Экипаж корвета заметил тех, кого искал, и нагнал их с востока.

– Черт возьми, – ворчал Эвель, сжимая кулаки, – у англичанина хороший глаз и неплохое чутье. Он нас накрыл и более не выпускает из рук.

Шлюпка шла со скоростью десять узлов. Ветер дул с севера и был благоприятен для обоих противников. При наступлении ночи он стал ослабевать. Температура была высокая, а пересохшие горла беглецов невозможно было смочить ни одной каплей воды.

На заре на юго-востоке показалась земля. Приближались к опасному Никобарскому архипелагу, но, быть может, это и было спасение.

Земля виднелась только как узкая лиловая полоса; расстояние до нее казалось около тридцати миль.

В это время жара стояла слишком сильная, воздух заставлял задыхаться; ветер был едва заметен. Моряки немного встревожились и замедлили ход шлюпки. Уже шесть дней, как они быстро бежали от преследования и сделали более трехсот шестидесяти миль.

В то время, когда они замедлили ход судна, заметили, что, к их ужасу, неприятель подвигался все ближе и ближе.

Вдруг Устариц закричал:

– Рифы, рифы! Если мы тут не погибнем, то спасены!

И он указал на зеленоватые отроги, которые то выходили из воды, то показывались под ее прозрачной поверхностью в виде зеленоватых голов, похожих на диких зверей, как бы стерегущих свою добычу.

Эти подводные скалы были рассыпаны в изобилии по всем сторонам, подобно авангарду застрельщиков, прикрывающих приближение к твердой земле. Все же небольшому судну можно было как-нибудь пройти между скалами и избежать опасности; но большое судно не могло об этом и думать. Оно вынуждено было оставаться за этой естественной преградой. От этой долгожданной надежды у баска вырвалось даже радостное восклицание:

– Если мы не погибнем, то мы спасены!

У беглецов не было ни географической карты этой опасной местности – таковых вообще тогда не существовало, – ни кормчего, могущего их здесь провести. Опасность угрожала им со всех сторон.

В течение двух часов они шли наудачу и все время, не подвигаясь ни на шаг вперед, чувствовали, что их шансы уменьшаются с каждой минутой, между тем корвет все ближе подходил к опасному барьеру.

Когда он приблизился на достаточное расстояние, то дал выстрел. Это служило вызовом. Англичане требовали от беглецов сдаться.

На это можно было ответить только поиском убежища. После долгой борьбы со сложившимися обстоятельствами они достигли довольно глубокого ущелья.

Если они и не были спасены, то все же могли быть вне опасности.

Но положение усложнилось.

Ветер вдруг стих. Небо покрылось черными тучами и давило, как свинец, на неподвижную поверхность моря. Необходимо было работать веслами.

– Дурное предзнаменование, – ворчал Устариц, – скоро будет шторм.

– Да и пусть будет! – воскликнул Клавалльян. – Он прогонит англичан.

Но, как видно, англичане были более сведущими и знали лучше фарватер. Корабль обошел рифы так, что беглецы увидели неприятеля следующим по кривой линии перпендикулярно материку; он намеревался отрезать им отступление.

Но, к счастью, затишье было так же пагубно и для неприятеля.

Корвет вдруг остановился посреди пролива, в который только что вошел. Его паруса опустились, как крылья раненой птицы, и повисли, словно неподвижные лоскутья. Это была вынужденная остановка.

Вильгельм, следивший за всей сценой беспокойным взглядом, радостно воскликнул так, как способен только ребенок:

– Неужели мы так долго останемся и позволим за собой наблюдать?

Эвель, который несколько минут смотрел на южный горизонт, повернулся.

– Нет, недолго, мальчуган. Скоро мы затанцуем так, как тебе больше не придется танцевать в жизни, если только мы не окончим этот танец на том свете. – И он указал рукой вдаль, куда едва только мог доставать глаз, на желтовато-белое пятно, которое подвигалось по небу с удивительной быстротой.

– Торнадо! – мрачно произнес Жак де Клавалльян.

Четыре товарища набожно перекрестились. Опасность со стороны моря была серьезнее, чем опасность от людей. Они посмотрели в сторону корвета. Последний уходил, натянув паруса, чтобы убежать от урагана, если только это было еще возможно.

– Англичане также узнали, что будет вихрь, – засмеялся Устариц. – Они находят место неудобным и обращаются в бегство: им следовало бы это сделать раньше. Думаю, что теперь будет поздно. Но это несколько не изменит наш план.

В это время Виль склонил голову за борт и воскликнул, как имеют привычку все дети:

– Мы дрейфуем, капитан, дрейфуем!

– Мальчик совершенно верно говорит, – заметил Эвель. – Мы попали в течение и оно нас несет к берегу. Ах, если бы счастье было на нашей стороне, были бы шансы и... – Он не досказал фразы.

Шлюпка сделала скачек, уносимая громадной волной, как соломинка, и ее отбросило на двадцать сажений. Потом вода вдруг стала кипеть, точно в котле.

– Это воронка, – сказал Устариц, сдвигая брови. – Я знаю это, капитан. Если Господь Бог нам не поможет, то мы через десять минут будем на глубине пятидесяти метров килем кверху.

Жак выпрямился, его глаза блестели.

– Господь Бог любит храбрых – поднимайте паруса!

Оба матроса посмотрели на него, вытаращив глаза, посчитав его сумасшедшим.

– Поднимайте паруса! – повелительно воскликнул молодой человек. – У нас осталось только одно средство к спасению, и мы должны им воспользоваться.

В одно мгновение оба паруса были подняты, готовые идти по ветру. Начался ужасный, чудовищный шквал. Он подхватил шлюпку, как соломинку, и погнал ее подобно ударам кнута. Шлюпка, как взбесившаяся лошадь, становилась то на дыбы, то бросалась назад, затем опять подскакивала, наполнялась водой, затем кидалась вперед в бурлящие потоки воды.

Когда беглецы, вымокшие и ошеломленные, смогли наконец оглянуться, то увидели на расстоянии полумили сражающийся с волнами корвет. Сила торнадо отшвырнула их далеко назад к востоку, и теперь их несло в сторону материка.

Глава V

Брошенные на произвол судьбы

Некоторое время четыре пассажира шлюпки оставались на ее дне, обессиленные и потрясенные, отданные на волю волн разъяренного океана, увлекавшего их по своему капризу.

Мало-помалу они пришли в себя и смогли понять, что произошло. К ним возвратилось сознание.

Это была первая мука, которую Жак де Клавалльян так выразительно называл «томлением». Они вырвались из круга циклона и таким образом ускользнули от водоворота.

Нужно было избежать и дальнейшей опасности.

Море бушевало на несколько квадратных миль вокруг. Каждую минуту судно прыгало, подбрасываемое в воздух и снова погружалось в темные бездны, подобные зеленым трещинам, которые открываются в глубине ледников.

И в эти мгновения четыре беглеца, сознавая всю свою немощность, видели, что их шлюпка не более скорлупки, брошенной на милость этой слепой и жестокой силы разъяренного моря.

Они и не думали бороться. Зачем? И что они могли сделать?

Они попробовали было поднять паруса; это спасло их лишь на минуту.

В такое время нельзя было думать о парусах, ветер сделал из них лохмотья, которые трепетали теперь, подобно унылым флагам.

Белое полотно билось о мачту; этот звук был едва заметен при шуме бури.

Снасти двигались зигзагами, наподобие безобразных амфибий, выскочивших из мрака бездны.

Жака и его товарищей яростно бросало на скамейках, за которые они ухватились. В эту минуту одно только чувство самосохранения поддерживало их в отчаянной борьбе против стихии.

Буря продолжалась весь день. С наступлением ночи они увидели, что поверхность моря немного успокоилась.

Море разорвало паруса в клочки, сломало руль, подмочило провизию и сделало ее непригодной к употреблению. В будущем им предстояла голодная смерть. Их окутала ночь, предвещая все свои ужасы.

Они блуждали во мраке, изнеможенные от усталости, не могли вымолвить ни слова друг другу, но каждый размышлял о том, как спастись и выжить. При наступлении дня они еще тверже уверились в том, что покинуты всеми.

Они взором искали вокруг те горизонты, которые видели еще накануне. Но земля совершенно исчезла.

Перед ними расстилалась голубая, спокойная и сияющая поверхность, под огненным небесным сводом.

Но где находилась твердая земля, виденная ими накануне, они этого совершенно не знали и не имели об этом никакого представления.

Компас, прикрепленный сзади лодки, был снесен. Поэтому невозможно было ориентироваться.

Может быть, днем или ночью, если небо будет чистым, можно будет узнать по звездам, где приблизительно находится шлюпка.

Всеми четырьмя беглецами овладело такое чувство, как будто они в течение нескольких часов прошли громадное пространство в бешеном круговороте циклона.

Но что случилось с английским корветом? До этого им не было теперь никакого дела, их уже не пугала его погоня.

Жак де Клавалльян очнулся первый, и к нему вернулось все его самообладание.

Он хорошо понимал, что от его твердости зависит судьба его товарищей. По своему положению, воспитанию, характеру и потому, что он их повел за собой, он невольно сделался их начальником.

Ему необходимо было действовать.

– Слушайте, товарищи, – сказал он, – не следует отчаиваться: побеждены могут быть лишь те, кто сам этого пожелает. Будем надеяться на самих себя, чтобы иметь право рассчитывать на помощь Бога.

Воодушевленные этими словами, Эвель и Устариц встали и спросили:

– Что нам делать, капитан?

– Сначала починим паруса подручными средствами.

У баска нашлось в кармане немного толстых ниток, которыми стали зашивать, как умели, лохмотья парусов. Но паруса, таким образом починенные, составили только половину своих обыкновенных размеров.

Необходимо было прибавить кусок от кливера, потом к парусам еще прибавили кусок тента, который некогда покрывал шлюпку, когда она была на козлах. Затем, чтобы подправить поперечник руля, отломали с большими усилиями часть скамейки и приладили ее кое-как к рулю.

Это был первый шаг. Так стало возможно воспользоваться парусами, тем более что небольшой ветерок колыхал уже поверхность моря. Но проблема пропитания еще не была решена, тем более что она осложнялась сильной жаждой, томившей беглецов из-за большой тропической жары.

Благодаря тому что в шлюпке осталось ружье, им удалось убить несколько морских птиц.

Вместо дров они воспользовались щепками от скамейки, пожертвованной для починки руля, и им удалось пожарить двух чаек.

Эта крайне скудная пища позволила им просуществовать один день.

Между тем они шли к югу в полной неизвестности, поддерживаемые безумной надеждой, что Бог поможет им добраться до французских островов.

Этот переезд через жгучий океан был настоящей агонией. Они испытывали ужасную жажду, их горла пересохли, и не было сил терпеть. С жаждой появились и галлюцинации.

Самые нелепые видения сопровождали блуждающую шлюпку.

То им казались зеленеющие леса, земли и источники на гладкой поверхности моря, то в облаках появлялись холмы и горы с синеющими или снежными вершинами. То в припадке бреда несчастные быстро вставали, смотрели за борт и улыбались увлекавшей их бездне.

Маленький Виль первым попал под влияние этих явлений. Поэтому-то Жак де Клавалльян особенно внимательно наблюдал за ним. Он делал это не только потому, что осознавал ответственность перед вдовой Тернан, но молодой человек действительно чувствовал привязанность к этому храброму ребенку, который так искренно верил ему.

Жак, несмотря на свое собственное страдание, следил за всеми движениями Вильгельма и удерживал его всякий раз, когда мальчик мог совершить какую-нибудь оплошность. Он брал его к себе на колени, смачивал его голову и руки морской водой. Это хотя бы немного уменьшало мучительность жажды.

Так прошли три дня.

Моряки дошли до последней стадии истощения. Жак с тяжелой головой, с биением в висках и жужжанием в ушах сохранил тем не менее силы на то, чтобы время от времени вставать и смотреть на горизонт, который оставался пустым.

У его ног лежал Вильгельм, за которым не надо было уже больше наблюдать. Изможденный и истощенный мальчик неподвижно лежал.

На двух концах шлюпки в сильном бреду лежали Эвель и Устариц. Безумие бретонца было мрачным и свирепым, и ему все представлялось в темном свете.

Безумие баска было, наоборот, радостное, исполненное самых радужных видений.

Однако и в этой ужасной агонии наступали минуты просветления.

На четвертую ночь после циклона Клавалльян, измученный страданиями, тоже совершенно пал духом. Шлюпка представляла из себя скорлупу, без рулевого, ведомую судьбой неизвестно куда. Она блуждала по воле ветра, который раздувал ее паруса.

Вдруг произошел толчок от которого затрещала обшивка.

Удар был так силен, что Жак проснулся от болезненного сна, в который был погружен. Вместе с ним вскочили Эвель и Пиаррилль.

Луна освещала своим беловатым светом поверхность моря. Казалось, что часть этого света озарила и сердца обоих матросов. Они в одно и то же время воскликнули:

– Мы причалили!

Да, действительно, они причалили. Но к чему? К берегу спасения или к смертоносной подводной скале?

И все же инстинкт говорил им, что спасение близко. Сильная энергия овладела этими людьми, которые до настоящего момента были подобны трупам.

Шлюпка толкнулась носом о какое-то громадное темное тело. И теперь она скользила боком вдоль него.

Они смотрели лихорадочно горевшими глазами и увидели, что наткнулись на остов большого корабля. Толчок не был опасен, и шлюпка осталась невредима.

Теперь она держалась у кормы неизвестного корабля под ахтерштевнем. Более внимательный взгляд, брошенный ими на судно, открыл, что это большой военный корабль, без мачт, покинутый людьми, плавающий наудачу и поддерживаемый водой, которая еще не залила палубу.

– Слушайте! – закричал Жак дрожащим голосом. – Сам Бог посылает нам эту помощь. На этом судне, вероятно, есть съестные припасы и питье.

В одну минуту он схватился за борт, а шлюпка под напором весел приблизилась к носу судна по неподвижному морю.

Снасти висели на бушприте. Жак нашел, как можно было взобраться наверх. С помощью Эвеля он причалил шлюпку очень близко к носу корабля и взобрался на борт.

Он не ошибся: на корабле были съестные припасы и боевые снаряды.

По правде сказать, трюм судна был в воде, весь запас съестных припасов был испорчен, но осталось несколько нетронутых ящиков и бочек с порохом.

На палубе валялось несколько трупов, обезображенных бомбами и картечью. Одна из пушек еще уцелела, все же другие или потонули, или были взяты неприятелем.

Всякий раз, когда эта громадная масса опускалась в воду или поднималась над ней, слышалось журчанье воды, которая входила внутрь судна и опять выливалась каскадом. На опустошенной палубе валялись разбитые ядрами мачты, разорванные боковые сети, и видно было, что этот корабль пал в битве с таким же силачом, как и он сам. На гафеле еще висели обрывки флага с английским гербом. Это воодушевило всех троих.

– Да здравствует Франция! – закричал Жак де Клавалльян. – Сюркуф проходил здесь. Я его узнаю по метким ударам. Англичанам пришлось плохо.

С помощью своих товарищей Жак снял с корабля один из ящиков, в котором находились консервы из холодной говядины, в другом – сухари.

– Перенесем все это к нам! – приказал Жак, после того как матросы несколько пришли в себя. – Небо вспомнило о нас. Прежде всего захватите эти предметы, – прибавил он, указывая на бочонок с вином и небольшой ящик из жести, по форме и по размерам которого можно

было определить, что это одна из переносных аптечек, которыми запасались наши деды и отцы в каждом дальнем путешествии.

Жак угадал содержимое ящика. В нем находились среди других медикаментов большие запасы хинина, который раздавался матросам в значительных дозах.

Жак взял одну из доз, всыпал в стаканчик с вином и, разжав зубы Вильгельма, заставил его выпить это горькое питье, которое должно было его спасти. Затем все трое опять поднялись на остов корабля и начали переносить к себе все необходимое: нитки, иголки, топоры, ножи, ключья парусов и разные другие вещи.

День застал их за этой работой.

Усевшись в шлюпку, они хотели идти по направлению к югу. Компас, который Жак нашел на судне, позволил ему определить местоположение. Он констатировал, что они находятся на семидесятом градусе восточной долготы и на втором южной широты, следовательно, на полпути между Мальдивами и Магосскими островами.

В какие-нибудь десять дней благодаря циклону утлая шлюпка прошла более четырехсот морских миль. Теперь ветер, уносивший шлюпку, был хорошо известен Жаку; это был тот ветер, который напоминает муссоны и дует между берегами Африки и Индокитая, поворачивая потом на юг, до Сейшельских островов, и на север, до Суматры.

Тогда он обратился к обоим матросам, успевшим подкрепиться.

– Мужайтесь, друзья, – сказал он, – мы теперь на хорошей дороге. Мы идем к острову Святого Маврикия. Судно, которое мы сейчас встретили, доказывает, что французы здесь пошумели и что Сюркуф несколько почистил море от англичан.

– Дай бог, чтобы он был еще жив, – сказал Эвель.

– Если он и умер, то будьте уверены, что он убил более англичан, чем потерял сам француз; но я знаю, что он жив, я в этом ручаюсь. Кроме того, достаточно посмотреть на остов этого корабля, чтобы убедиться, сколько бомб и картечи закатали им наши. Посмотрите-ка сюда! – И он указал им под прозрачной водой громадную пробоину, сделанную в боку английского судна.

В ту минуту Вильгельм несколько оживился под влиянием благотворного действия лекарства, которое несколько уменьшило его лихорадку. Ребенок с трудом открыл глаза.

– Пить! – простонал он в ужасных мучениях жажды.

Жак взял немного воды в одном из ведер, подкрасил ее вином и подал больному.

Мальчик жадно выпил. Вздых облегчения вырвался из его груди, черты лица приняли более яркое выражение.

– Вкусно, – пробормотал он.

Улыбка озарила его бледное лицо, заиграла на его посиневших губах, и он протянул дрожащую руку к стаканчику, который держал Клавалльян.

Но маркиз не мог удовлетворить во второй раз желание ребенка и не дал ему больше пить; он обернул его горячий лоб мокрым полотенцем, чтобы несколько освежить его виски, а затем с помощью своих товарищей устроил ему постель из холста тента.

На этой жесткой постели уложили маленького Виля, впавшего в глубокий сон. Остальные трое стали дежурить по очереди у постели больного. Теперь им надо было отчалить от судна и, пользуясь благоприятным ветром, пуститься в путь. Шлюпку снарядили парусами, которые смогли достать на корабле.

Ветер, более чем благоприятный, дул почти всю ночь так, что они прошли около ста миль к юго-западу, предполагая, что направляются к Мадагаскару.

На заре следующего дня наши спутники заметили, что ветер переменялся и дул с востока. Следовательно, их шлюпка направлялась теперь к западу. Они стали лавировать, чтобы менее поддаваться влиянию ветра.

Действительно, было крайне тяжело потерять все шансы и идти в обратную сторону, вместо того чтобы подвигаться вперед: и все это после стольких перенесенных страданий! Беглецы надеялись на Провидение и верили в то, что оно им покровительствует, так как сохранило их среди ужасов урагана и привело в экваториальные местности, где они нашли свое спасение и съестные припасы на тонушем корабле.

Теперь, когда каждый час должен был их приближать к французским островам, им казалось, что судьба смеется над ними, заставляя менять направление. А между тем им пришлось покориться обстоятельствам. Вместо того чтобы продолжать путь на юг, они шли к западу.

Это было грустное разочарование; снова они сильно встревожились. Но Жак старался всеми силами их успокоить и заметил, что глупо предаваться страху и отчаянию в то время, когда им уже была послана неожиданная помощь.

– Вы правы, капитан, – сказал бретонец Эвель, – действительно, нам не следует предаваться отчаянию, Господь Бог довольно для нас сделал, теперь мы должны выпутываться сами.

– Первое, что нам необходимо сделать, – возразил Клавалльян, – это выйти как-нибудь из этого течения и постараться взять, если возможно, направление к югу.

Он представил своим товарищам все причины, которые заставили его говорить таким образом.

Встреча с изуродованным фрегатом доказывала, что именно в этих широтах произошла морская битва.

Совершенно очевидно, что в этой местности появились французы.

– Кто из наших соотечественников дал такое сражение, мы не знаем, но думаем, что через некоторое время нам это станет известно и... вряд ли французы оказались побежденными.

– Почему вы так считаете? – спросил Устариц.

– Но неужели ты думаешь, – ответил молодой человек, – что если бы англичане остались победителями, то они бросили бы такое значительное судно? Вы, конечно, заметили, что для этого судна были еще пушки в пушечном порту? Но если мы себе представим, что они хотели отделаться от своего фрегата, то тогда непременно бы его сожгли.

Хотя этот аргумент был правдоподобен, но все же он не убедил баска. Последний покачал головой и рискнул сделать серьезное возражение:

– Но можно ведь сказать то же самое и в том случае, если бы французы побили своего противника. Почему они не сожгли фрегат?

– Я могу дать объяснение, которое мне кажется совершенно правдоподобным, – сказал Жак.

– А какое это будет объяснение, капитан?

– Вот оно! Сражение происходило накануне или утром того дня, в который начался торнадо. Лишь только французы увидели приближение ветра, как поспешили собрать раненых с палубы и поскорее бежать от бури. У них не было времени взять что-либо с побежденного судна, и поэтому они все оставили.

Устариц удовольствовался этой гипотезой, хорошо понимая, что теперь не время и не место устанавливать истину. Главная задача в данное время заключалась в том, чтобы ускользнуть как можно скорее от опасностей моря и голода. Поэтому, несмотря на удушливую жару, все принялись чинить паруса остатками тех, которые нашлись на фрегате.

Таким образом они снарядили всю шлюпку парусами и им удалось отойти на несколько миль к югу. В то же время они смутно надеялись встретить на горизонте хоть какое-нибудь судно. Так мечтали беглецы и ни одной минуты не сомневались в том, что появившееся судно будет французским. Сюркуф шел по морям, и, может быть, на их долю выпадет счастье его встретить.

Но, к несчастью, ветер, несмотря на свое направление, вдруг совершенно стих.

Опять им грозили голод и полное отсутствие какой-либо помощи. Действительно, судьба становилась им поперек дороги; ими снова овладевало отчаяние.

Не считая уже того, что такое затишье было предвестником сильной бури, еще можно было ожидать и появления тайфунов с южных морей, этих ужасных фурий неба и воды, которые переворачивают природу, изменяют иногда даже поверхность Земли.

Жак стал прикрывать съестные припасы и воду, годную для питья.

Предыдущий опыт был для них довольно поучителен. Нельзя было потерять все и остаться без пищи и питья. В этой водной пустыне самым ужасным испытанием была жажда, от которой им пришлось много претерпеть, и они не хотели, чтобы подобное испытание повторилось еще раз.

Но что могла сделать энергия одного человека против неумолимой силы неба и природы?

Так проходили дни и ночи, истощая съестные припасы и уменьшая силы несчастных.

Прошло уже около трех недель, как беглецы оставили Мадрас.

Чудо, но их утлая шлюпка снова устояла против бури океана.

И снова голод, жажда, зной сделали свое дело.

Все четверо попадали один за другим, и на этот раз – странное дело! – ребенок был последним из заболевших. Вильгельм Тернан отчаянно боролся против болезни.

Один он должен был заботиться о спасении своих товарищей, носить им с бесконечными предосторожностями по несколько капель воды, оставшейся на дне ведер, почти пустых. Затем, когда он увидел Жака Кавалльяна в бреду, неспособным двигаться, маленький сиротка решил, что его задача выполнена, и лег, для того чтобы умереть рядом со своим побежденным другом.

Глава VI Спасение

Сколько времени продолжалось беспмятство Виля? Он не мог этого сказать. Во всем его теле была страшная тяжесть, и ему казалось, что он совершенно бессилён; в одну минуту он почувствовал, что жгучие лучи солнца накрыли его, как тяжёлым покрывалом, пробрались под его веки, вывернули ему зрачки и вынули мозг. Он совершенно потерял сознание.

Но все же он еще помнил, что-то неясное и смутное, он старался тогда отогнать от себя ослепляющий свет. Он посмотрел вокруг в последний раз и увидел колышущуюся громадную синюю скатерть, а там, далеко за горизонтом, он увидел белое пятно, едва заметное. Неужели это была галлюцинация?

Из его груди вырвался крик, выразивший последнюю мысль, засевавшую в его воображении: «Парус на трехмачтовом корабле!» Он впал в беспмятство; на этот раз он потерял всякое представление о происходящем вокруг него; он не помнил решительно ничего.

Теперь он лежал в гамаке, его голова была обернута компрессами, его глаза помнили ослепляющий свет, но сейчас ощущалась прохлада тени, и он машинально подумал, не мрак ли это могилы?

Возвращение к жизни носит характер пробуждения после тяжелого сна.

Мало-помалу к ребенку возвращалось сознание. Легкое колебание, равномерное и правильное качание, давало ему понять, что он еще был на море. Качка тихо убаюкивала его, и сладкая истома овладела всем существом Виля.

Затем стали возвращаться мысли, но мысли обрывочные, беспорядочные, подобные обрывкам материи, – это были отрывки памяти, без всякого порядка. Он видел себя в шлюпке под огненным солнцем, истомленный жаждой и лишениями; он отчаянно борется против упадка сил и изнемогает в борьбе со всемогущей природой.

Он видел Эвеля и Устарица, как они падали один за другим, также истомленные голодом, жаждой и жгучими солнечными лучами. Жак де Клавалльян также упал вместе с другими и лежал неподвижный, бледный, потеряв всякое сознание. Вилю казалось, что он жил, но жил машинной, автоматической жизнью; время от времени он вставал, чтобы посмотреть на горизонт, и ему пришло на память, что вдали, на синей поверхности моря, он увидел белеющий парус.

Это все! Как он ни напрягал свою память, он не мог ничего более припомнить, он не мог прибавить более ни одного впечатления.

Утомленный этими напрасными поисками, ребенок закрыл глаза и хотел погрузиться в сон, от которого он только что пробудился, думая найти успокоение.

Но нельзя заставить замолчать внутренний голос. Виль не мог заснуть: мысли не давали ему покоя.

Тогда он попробовал поменять ход мысли. Он хотел дать себе отчет, где именно он находился, то есть наверняка узнать свое местопребывание, потому что он теперь несколько не сомневался в том, что был жив.

Он открыл глаза; при полусвете его глаза, привыкшие к темноте, различили, что над ним находится что-то вроде деревянного потолка, очень низкого, касающегося почти его лба. От этих досок чувствовался характерный запах дегтя, которым смазывались щели, чтобы не пропускать внутрь сырость. Он был на корабле.

Да, на корабле, очень похожем на «Бретань», именно на том, на котором он вместе со своим отцом, матерью и сестрой совершил путешествие из Бреста в Индию, перед тем, как их взяли в плен.

Постель, на которой он лежал, была гамаком из толстого полотна, подвешенным на крепких железных кольцах, поддерживаемых толстыми крюками. Вокруг него тянулся длинный коридор. Когда мальчик повернул голову, то увидел, что этот коридор тянулся вперед и назад в самую глубь судна.

Этот первый взгляд, брошенный вокруг, возбудил любопытство ребенка: он поднялся на своей постели и стал смотреть направо, налево и по всем направлениям.

То, что он увидел, его не только удивило, но и восхитило.

Целый ряд гамаков тянулся линией, начиная от того места, где он лежал. Кроме того, был еще второй, параллельный, ряд с другого конца судна. Вильгельм увидел, что он находится в батарее военного корабля.

Под рядом гамаков были светлые отверстия для пушек, через которые проникал слабый свет, позволивший ему различить эти подробности. В портах медные пушки тянулись в ряд своими блестящими дулами. Правильными пирамидами, которые были хорошо укреплены, у подножия лафетов возвышались груды картечи и бомб. По бокам этих чудовищных зверей были расположены щетки, чашки и ведра различной величины.

Внешний свет отражался блестящими пятнами на круглой полированной поверхности затворов и на длинных цилиндрах мортир. Виль проводя взглядом по орудиям, насчитал их всего двадцать две, по одиннадцать с каждой стороны.

Тогда им овладел сильный страх. Кому принадлежал этот военный корабль? Не англичанам ли? Неужели гнусные тюремщики Мадраса опять захватили свою добычу? Где теперь находились Клавалльян, Эвель и Пиаррилль Устариц? Живы ли они?

Все эти вопросы роились в уме ребенка и наполняли тревогой его сердце. У мальчика смешались два чувства: скорбь и страх. Чувство скорби при мысли о своих товарищах по бегству и чувство страха в ожидании того, что с ним будет.

Эти жестокие чувства мучили его долгое время.

Но мало-помалу он успокоился и совсем пришел в себя.

Если бы он был во власти англичан и те хотели бы причинить ему зло, то не стали бы о нем так заботиться и ухаживать с таким старанием; его, вероятно, просто бросили бы в трюм как живой товар, пока не наступит время кинуть за борт с гирями, привязанными к ногам, как это он часто видел на «Бретани», где поступали так с умершими пассажирами. Эти размышления показались ему достаточно резонными, и он ожидал с надеждой последующих событий. Однако его сомнение продолжалось недолго. Четверть часа спустя, как он проснулся от своего тяжелого сна, мальчик услышал голос, который заставил его вздрогнуть от радости.

– Ну, Виль, – говорил этот голос, – тебе лучше?

– Господин де Клавалльян! – воскликнул ребенок с живейшей радостью.

– Хорошо! Я вижу, что тебе легче, – сказал Жак, – и что мои опасения насчет тебя были напрасны. Ты не поверишь, как я о тебе беспокоился.

– И я тоже, – сказал наивно ребенок, – я тоже очень боялся.

– Боялся чего? – продолжал расспрашивать Жак.

– Я увидел, что больше не нахожусь на нашей шлюпке, а куда меня перенесли, я не мог сообразить. Кроме того, я не знал, что случилось с вами, Эвелем и Пиарриллем. Я думал, что вы все трое умерли, так как я вас не видел, и мне казалось, что меня взяли в плен англичане. Пиаррилль и Эвель тоже живы, как и вы?

– Да, слава богу, мой мальчик. Но, сказать по правде, Эвель еще не совсем поправился и лежит в гамаке.

– Но я-то теперь совсем здоров, господин де Клавалльян! Все кончено, болезнь миновала.

– Ты хочешь, вероятно, встать с постели? Я не знаю, можно ли это тебе позволить...

– О, позвольте! Пойдемте посмотрим на Эвеля.

– Хорошо, пожалуй. Но только тут не я командир. Надо тебя представить командующему. Ты будешь этим доволен, не правда ли?

– Командиру? Так тут не англичанин начальник. Как я этого боялся!

Беседуя таким образом, Жак дал мальчику надеть холщовое платье, которое тот взял с удовольствием. Для своих лет Вильгельм был силен и здоров, имел вид настоящего юнга, который влезал на грот-мачту.

Когда Виль оделся, Жак взял его за руку и повел с собой. Мальчик еще не совсем оправился от болезни.

Однако Виль бодро шел со своим другом до самого конца батареи. Там он поднялся десять ступеней по лестнице и очутился под открытым небом, ослепленный внешним светом. Жак указал ему на маленькую дверь, ведущую в каюту командира.

Жак толкнул дверь. Мальчик на самом пороге заметил человека, растянувшегося на раме палисандрового дерева и отдыхавшего в прохладной тени.

– Командир! Вот юнга, которого вы спасли вместе с нами.

– Ха-ха! Подойди сюда, мальчик, дай на тебя посмотреть, – прозвучал несколько грубый голос, но все же с ласковыми нотками.

Вильгельм подвинулся вперед на три шага и теперь хорошо видел говорившего. Он не мог удержаться от крика удивления:

– Господин Сюркуф!

Корсар (а это был он) не мог скрыть своего удивления:

– Ты меня знаешь, мальчуган? И откуда – говори-ка!

– Откуда я вас знаю? Именно с того дня, когда мы встретили вас на море и мой бедный отец вас лечил. Разве вы это забыли? Вы тогда обещали отцу сделать из меня хорошего матроса. В то время как Сюркуф припоминал сказанное мальчиком, он ласково улыбался.

Жак вмешался в разговор, чтобы подтвердить слова Виля:

– Этот мальчик – сын доктора Тернана, пассажира с корабля «Бретань». Его отец пере-взвывал ваши раны года четыре тому назад, а потом они были взяты в плен англичанами. Вы поручили мне позаботиться о его вдове и детях.

– Да-да, припоминаю это, Клавалльян. Я очень рад, что ваши хлопоты не прошли даром. В каком положении оставили вы вдову Тернан? У нее был еще ребенок, если не ошибаюсь, красивая маленькая девочка, не так ли? Что случилось с ней?

– Девочка осталась при матери в Отакамунде, в горах Нильгерри. Она обещает быть такой же красивой, как и ее мать. А я обещал жениться на ней, когда она вырастет, если Господь Бог сохранит мою жизнь.

При этих словах сердце Виля сильно сжалось: воспоминание о матери и сестре вызвало слезы на его глазах. Корсар, казалось, был тронут этим доказательством нежности. Он положил руку на голову Виля и ласково сказал ему:

– Хорошо, малютка. Я вижу, что у тебя доброе сердце, но знай, что в нашем ремесле не плачут. У моряка кожа на щеках дубленая, незачем мочить ее чем-то другим, кроме соленой воды. Постарайся поскорее стать мужчиной, чтобы освободить свою мать.

– Да, командир! – возразил Виль, поскорее утерев рукавом наворачнувшиеся слезы.

– Клавалльян, – прибавил Сюркуф, – так как вы теперь с нами, то я поручу вам взять начальство над «Либерте», лишь только мы прибудем на Реюньон. Вы можете оставить этого юнга в своем экипаже, а также и двух матросов, которых привезли с собой.

Он отпустил лейтенанта и Вильгельма и снова поднялся на палубу.

– Пойдем со мной завтракать, – сказал маркиз. – Тут мы представляем из себя только пассажиров. Через три дня мы будем на французской земле, и ты поступишь ко мне на службу. Пока Устариц, я и Эвель, когда тот встанет с постели, будем продолжать давать тебе уроки,

начатые в Мадраसे. Ты будешь лазать по мачтам, изучать снасти и вообще продолжать то учение, которое начал на шлюпке.

Виль отправился повидаться с Эвелем.

Он нашел бедного бретонца крайне ослабевшим. К счастью, опасность кровоизлияния в мозг от воздействия солнечных лучей миновала. Эвель пришел в себя и, несмотря на то что у него сильно болела голова, все же мог немного говорить.

Он хотел рассказать мальчику все обстоятельства, относящиеся к их спасению. Но Жак де Клавалльян воспротивился этому и заметил больному, что ему необходимо соблюдать большую осторожность, так как в противном случае болезнь может возвратиться, а это вещь очень опасная и может окончиться смертью.

Только абсолютный покой может способствовать полному выздоровлению больного.

Но если молчание было предписано Эвелю, его товарищ мог говорить сколько угодно.

Баск мог рассказать Вильгельму все подробности их поистине чудесного спасения, вырвавшего их из когтей смерти.

Он приступил к рассказу с той развязной наивностью, которая коренится в природе южного человека.

– Крик! – начал он с обязательной формулы матросов.

– Крок! – отвечал мальчик, который хотел показать, что он кое-чему научился.

Было произнесено и окончание приветствия: «Треску тебе в мешок!» – и еще многое другое.

– Ты, малыш, – продолжал Устариц, – помнишь, конечно, как мы все уже почти заглянули за край, а вот я, который с тобой сейчас говорит, чуть было не свалился туда, напрямик в самую преисподнюю...

– Пиаррилль, – прервал его Вильгельм, – разве ты родился в Марселе?

Устариц подпрыгнул при таком оскорбительном предположении.

– Родился в Марселе, я? Я? Мальчуган, почему ты меня спрашиваешь об этом?

– Это потому, что когда мы плыли на «Бретани», то мой отец всякий раз, когда кто-нибудь из пассажиров начинал рассказывать какую-нибудь необычайную историю, говорил: он из Марселя!

Пиаррилль Устариц пожал плечами и сказал:

– Твой отец был бретонцем, как и Эвель, но, несмотря на все мое уважение к покойникам, я скажу тебе, что не советую подражать ему, когда ты вырастешь. Ты, может быть, станешь знаменитым врачом, но с такими замашками вряд ли из тебя выйдет порядочный матрос.

Вильгельм ничего не ответил и более не прерывал рассказчика.

Устариц видел, что он произвел неприятное впечатление на мальчика, и потому старался загладить его как только мог.

– Знаешь ли, мальчуган, – начал он, – зовут меня Пьер Устариц, по прозвищу Пиаррилль, я родился в Пиренеях, в гасконской провинции. Следовательно, я баск. Я имел честь служить юнгой и матросом под командой Сюффрена, когда попал в плен к англичанам. Они отправили меня в Индию, где я стал работать на кофейных плантациях, что мне, однако, не слишком удавалось. Вот потому-то я, как и наш друг Эвель, решил следовать за маркизом в тот же день, как он предложил нам бежать вместе с ним. Теперь, когда ты знаешь, кто я такой и откуда, ты не сделаешь больше глупости и не станешь меня считать уроженцем другой страны. Я тебе докажу, что существует большая разница между баском и марсельцем.

Виль скромно выслушал эту несложную автобиографию.

– Но, – начал баск, – ты ждешь от меня, чтобы я рассказал тебе, каким образом мы спаслись. Это не будет особенно пространно, тем более что ты знаешь, пожалуй, столько же, сколько и я, так как ты последний упал на дно лодки. Все четверо мы лежали в обмороке под знойными лучами солнца и готовы были мирно перейти в другой мир, как вдруг что-то толкнуло меня;

боль была настолько сильна, что я проснулся. Я встал и увидел массу паривших птиц, окружающих шлюпку; они могли бы поглотить всех нас в какие-нибудь четверть часа, если бы мы были уже мертвыми, но мы были живы. В тот момент, когда я закричал, вся эта стая поднялась с криком; я увидел, что из моей левой ноги сочилась кровь, хорошо еще что злой хищник схватил меня за ногу, а не выколол мне глаз своим клювом, который был очень крепок. Птица вырвала из ноги порядочный кусок мяса. Правда, я и так плохо держался на ногах, но все же постарался встать; то, что я увидел тогда, придало мне больше силы. В четверти мили от нас стояло большое судно, с него спустили шлюпку, которая быстро подвигалась к нам с восемью гребцами. У меня не было времени ничего сообразить, и я даже не мог этого сделать, так у меня кружилась голова. Скоро шлюпка подъехала к нам, два матроса вошли на нашу палубу и принялись меня расспрашивать. Но у меня язык был совершенно парализован, а потому я не мог промолвить ни слова, только какие-то хрюкающие звуки, так что расспрашивавший меня матрос сказал другому на хорошем французском языке: «Бедный парень очень болен. Он идиот, совершеннейший идиот». – «Быть может, это произошло от солнечного удара, – отвечал другой, – ведь это часто случается, и мне не раз приходилось наблюдать подобные случаи». Тогда он подошел ко мне и объяснил знаками, что хочет помочь мне перейти в лодку, которая стояла рядом с нашей шлюпкой. Два других матроса подошли к своим товарищам, и вас всех перетащили из шлюпки в лодку большого судна. Когда наступила очередь господина де Клавальяна, один из матросов, самый старший, посмотрев на него внимательно, воскликнул: «Матерь Божья! Да ведь это наш лейтенант!» Когда всех нас пересадили в лодку, нашу шлюпку взяли на буксир и направились на веслах к большому судну. В это время один из матросов дал мне выпить немного вина с водой, сказав мне при этом со смехом: «Возьми-ка, матрос, прополощи себе горло, это придаст тебе мужества!» Он был совершенно прав, мне стало гораздо лучше. Более двух суток, как у меня не было во рту ни капли пресной воды, а теперь мне дали хорошего французского вина! Я выпил два стакана, и у меня развязался язык. Все матросы были крайне удивлены, когда я заговорил. «Так он вовсе не идиот?» – заметил первый из них, которого я еще видел на шлюпке. «Идиот! – отвечал я. – А возможно, что и ты даже гораздо больший идиот, нежели я». Но он нисколько не рассердился, а сел верхом на скамейку подле меня и принялся задавать вопросы: откуда я, кто мы такие и откуда мы все возвращаемся. И тогда я ему сказал, что мы спаслись на этой разбитой шлюпке, но он не хотел верить. На счастье, старик узнал Жака и поверил мне. В это время лодка возвратилась на корабль. Это действительно хороший корабль. Корвет, достойный того, кто им командует! На нем тридцать пушек! Мы все поднялись по лестнице на судно. Когда я говорю «мы», то это, в сущности, был я один, а остальных несли матросы. Нас привели прямо на палубу, дали нам гамаки с холщовыми матрацами, и капитан Сюркуф пришел тотчас повидаться с нами. Капитан Сюркуф очень суровый человек, но когда он увидел господина де Клавальяна, то начал плакать как ребенок и обнимать его так крепко-крепко, что господин Жак аж проснулся. Да! А вот с Эвелем дело было гораздо хуже. Его натирали горчицей, чтобы оттянуть кровь от головы, и, как ты мог видеть, он еще до сих пор не совсем оправился от своего потрясения. Что же касается тебя, то тебе голову обмотали мокрыми тряпками и оставили лежать спокойно в тени.

Виль внимательно выслушал этот рассказ. Когда Устариц закончил, мальчик, в свою очередь, задал ему несколько вопросов:

– Когда все это случилось? Мне помнится, что я увидел корабль, прежде чем упасть на дно шлюпки. Но в то время я не был вполне уверен, что не бредил наяву.

– Это все случилось третьего дня, малыш. Следовательно, вы проспали очень долго.

– Как называется корабль, который нас приютил?

– Он называется «Уверенность»! Это прекрасное название, мой мальчик.

– Хорошее название. Оно мне нравится.

– Я знаю, что оно тебе нравится! Без него чайки давно бы всех нас съели до последней крошки, не дав нам даже сказать «уф!» от удовольствия.

Понятно, что этот рассказ очень понравился мальчику. Но лишь только баск окончил свою болтовню, как Виль вспомнил предписание Клавалльяна и стал просить Пиаррилля дать ему первый урок лазания по мачтам корвета.

Но Устариц отказался, сказав, что ему необходимо, по крайней мере, еще сутки отдохнуть, чтобы окончательно поправиться.

Таким образом, Виль должен был также отправиться в свой гамак, чтобы пролежать в нем до окончания дня. Но он на это нисколько не жаловался, так как его тело тоже было утомлено от долгого пребывания на дне шлюпки милорда Блэквуда.

На другой день, когда он проснулся от звука трубы, то поскорее встал и оделся, чтобы разделить труд своих товарищей по путешествию.

Теперь он очень гордился тем, что может приучать свой ум и свое тело ко всем испытаниям жизни и смерти, испытаниям, которые должен беспрестанно чувствовать каждый матрос. Но Виллю недолго пришлось переносить эти первые испытания.

Не прошло и двух дней, как на горизонте показались берега острова Бурбон. Казалось, они медленно выходят из морских глубин.

Глава VII

Экипаж корсара

«Уверенность» была прекрасным кораблем.

Высокий спереди, но еще более приподнятый сзади. Три его мачты были слегка наклонены вперед и лихо несли на себе квадратные паруса. Он шел по морю, как породистая лошадь под рукой опытного всадника. Его широкие бока хорошо сидели на воде, словно их поддерживали мифические морские коньки, запряженные в колесницу Нептуна. И всякий раз, как он лавировал, в его громадных бойницах поблескивали золоченые пасти его четырнадцати пушек. Более крупные орудия тянулись позади бушприта, орудия нескольких меньших размеров находились на ахтерштевне. Сюркуф выразил насчет этого замечательное мнение, достойное его невероятной храбрости:

– Враг должен увидеть меня только тогда, когда я сам нападу на него, а если ему вздумается меня обойти, то пусть знает, что у меня там жало скорпиона.

Но все же он вздыхал, когда ему делали комплименты относительно его судна, так как «Уверенность» далеко не была идеалом его мечты.

– Без сомнения, без сомнения! – говорил он, качая головой. – Это хороший корабль, он исправно исполняет свои обязанности. Но это не более чем ломовая лошадь, достойная огромных витязей былых времен. Может быть, он был бы лучше с железными арматурами. Но то, о чем мечтаю я, это – бронированное, тонкое и длинное судно, легкое, как арабский конь, которое могло бы делать от двенадцати до тринадцати узлов при благоприятном ветре.

Таким образом, знаменитый корсар тогда уже мечтал о нашем современном броненосном флоте, одетом в сталь и разделенном на броненосцы и крейсера.

В то время Роберу Сюркуфу едва только исполнилось тридцать два года, он славился одним из самых опытных мореплавателей того времени. Он выиграл окончательно большой процесс, продолжавшийся девять лет, против колониальной администрации, относительно взятия им в плен английского судна с двадцатью шестью пушками, четырех других судов той же нации и одного датского корабля; в этом процессе он выиграл сто шестнадцать тысяч пиастров. Наполеон, став императором, прекратил эту ссору и выплатил храброму моряку полтора миллиона франков.

Два года мира, которыми располагало государство, не прошли напрасно: неутомимый борец не оставался в покое; он придумал план нового идеального судна, на котором он мог бы предпринимать свои грозные переезды. Расторжение Амьенского мира заставило его поспешить с постройкой нового судна. Корсар уже был в Сен-Дени и там уже стояло сильное судно изящной формы, которым все любовались.

Сюркуф совсем не жалел денег, он пожертвовал пятьсот тысяч франков на постройку этого великолепного судна. Но пока, за неимением лучшего, он пользовался услугами «Уверенности».

Именно с «Уверенности» он дал сражение английскому корвету, который потопил, и взял в плен весь его экипаж. Затем, чтобы обеспечить спасение несчастных пленных, он погнался за одним английским судном, которое заставил вместо военной контрибуции отвезти на родину своих несчастных соотечественников. Этот подвиг, достойный древних героев, послужил славе корсара, и когда он прибыл на остров Реюньон в конце августа, то встретил местное население в крайне приподнятом настроении.

Его встречали торжественно: ему воздвигали триумфальные арки, бросали под ноги цветы и пальмовые ветви. Английский губернатор острова Маврикия обратился к нему с посланием, на котором была изображена золотая корона; в этом послании Сюркуфу выска-

звалась целая масса комплиментов относительно его великодушия. Таким образом Сюркуф сделался героем морских легенд.

В то же самое время в Европе совершались серьезные события: Франция теряла свой последний флот, Англия – своего знаменитого моряка.

Двадцать первого октября, в то время, когда Наполеон, намерение которого относительно переправы в Великобританию не сбылось, торжественно вступал в Вену, во дворец Шенбрунн и готовился подавить первую коалицию в Аустерлице, Нельсон со славой умирал в Трафальгаре, после того как уничтожил франко-испанские корабли и убил двух адмиралов – Магона и Гравина.

Эти известия распространились по всему земному шару и прибавили новую силу патриотической лихорадке обеих наций.

Всевозможные рассказы переходили из уст в уста и зажигали сердца сражающихся.

Англичане повторяли с восторгом последние слова Нельсона. Обращаясь к капитану своего флагмана, великий моряк с пулей в груди воскликнул, падая навзничь:

– Харди, Харди, французы покончили со мной!

Побежденные в этот ужасный день рассказывали героические факты твердости духа. Они говорили об удивительном подвиге капитана корабля, который с двумя пулями в обеих ногах велел посадить себя в бочку, чтобы несколько уменьшить потерю крови, и стал командовать судами, бывшими под его начальством. Все это служило темой для разговора и разжигало страсти.

Подробности пересказывались на тысячи ладов, а французские и английские газеты писали, каждая по своему, об одном и том же событии. Они говорили о невероятной храбрости, проявляемой как с той, так и с другой стороны, о чудесной борьбе, поддерживаемой храбрым командиром «Редутабля» против «Виктории», на которой находился Нельсон и где он был смертельно ранен, в то время как тут же бился и «Нептун», другой английский корабль с восьмьюдесятью орудиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.